

Коннелл, Рэйвин. (2017). Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. / Перевод: Татьяна Владимировна Барчунова, под ред. Ирины Тартаковской. М.: Новое Литературное Обозрение. 432 с. (Издано в серии: Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас».) ISBN 978-5-4448-0248-9

Главы 5 и 6.

Глава 5

Основные структуры: труд, власть, катексис^[13]

До сих пор мы обсуждали проблемное поле социальной теории гендера и ее постепенное формирование в рамках западной социальной мысли. Было показано, что эта теория автономна: она не может вывести свою логику из какого-либо внешнего источника, из естественных различий между полами, из биологического воспроизводства, из потребностей функционирования общества или императивов социального воспроизводства. Адекватная теория гендера требует гораздо более сильной теории социальной структуры, чем позволяет скрытый волюнтаризм ролевой теории. Но ей необходимо также понятие структуры, позволяющее увидеть сложности, которые игнорирует категориальный подход, а также историческую динамику гендера. В Главе 3 говорилось, что такая теория уже начала складываться. В Главе 4 было показано, как можно справиться со львом на тропе социальных теорий гендера – с вопросом о естественном различии. Далее мы рассмотрим, как должно выглядеть ядро такой теории, т. е. объяснение гендера как социальной структуры.

Для этой теории нет необходимости искать новые априорные основания. Можно начать с имеющихся в нашем распоряжении понятий социальной структуры, интуитивно выдвинутых в теории ролей и в теории категорий. Для того чтобы развить их таким образом, при котором они отвечали бы избранным нами критериям, необходимо предпринять три шага. Во-первых, модифицировать базовое понятие «структура» в свете последних достижений теории практики. Во-вторых, разбить понятие единой структуры гендерных отношений на отдельные структурные компоненты или подструктуры. В-третьих, провести различие между тем видом структурного анализа, который порождает такие понятия, как «разделение труда по признаку пола», – будем называть их структурными моделями, и тем, который порождает такие концепты, как «гендерный порядок» («gender order»), – будем называть их структурными инвентарями.

Следующая часть настоящей главы будет посвящена объяснению этих трех шагов и общей характеристике трехчастной структурной модели гендерных отношений. В Главе 6 будут обсуждаться структурные инвентари двух уровней: гендерный порядок всего общества и гендерные режимы конкретных институтов. В Главе 7 будут анализироваться историческая динамика гендерных отношений и кризисные тенденции в современном гендерном порядке.

Структура и структурный анализ

Понятие «социальная структура», несмотря на свое фундаментальное значение для социальных наук, неоднозначно. Оно используется в сложных, продуманных моделях Пиаже, Леви-Стросса и Альтюссера, но значительно чаще «структурой» просто называют все, что соответствует некоему различимому паттерну. Большинство работ, написанных о гендере, явно тяготеет ко второй разновидности текстов. Авторы часто довольствуются высказыванием смутной идеи о том, что гендерные отношения подчиняются некоему общему порядку, и дальше этого не идут.

Чтобы не вдаваться в пространную дискуссию о дефинициях, допустим, что понятие «структура» – это нечто большее, чем синоним «паттерна», и что оно отражает ригидность социального мира. Оно отражает представление о преградах, об ограничении свободы, а также о возможности делегирования полномочий деятельности, о получении такого результата, которого невозможно достичь индивидуальными усилиями. Понятие *социальной* структуры отражает ограничения, заключающиеся именно в определенном способе социальной организации (скорее, нежели, допустим, ограничения, исходящие от физической

природы мира). «Ограничения» могут быть такими грубыми, как, например, присутствие оккупационной армии. Но в большинстве случаев ограничения социальной практики проявляются в результате более сложного взаимодействия различных сил, через посредство множества социальных институтов. Поэтому попытки разъяснить, что такое «социальная структура», обычно начинаются с анализа институтов.

Наиболее разработанные теории, представляющие гендерные отношения как социальную структуру, были созданы Джулиет Митчелл и Гейл Рубин. Они базируются на институте родства как кросскультурном базисе неравенства полов. Их подход к структуре, которая лежит в основании родства, опирается на классический труд Клода Леви-Стросса «Элементарные структуры родства», где невероятное разнообразие собранных этнографами и историками материалов сводится к универсальной базовой системе обмена. Леви-Стросс описал ее как обмен женщинами, происходящий между группами мужчин, и принял его за основание общества как такового. С точки зрения Митчелл и Рубин, этот обмен лежит в основе подчинения женщин.

Понятие структуры как фундаментального типа отношений, который не присутствует в социальной жизни непосредственно, но незримо лежит в основании сложной совокупности интеракций и институтов, является общим для всех видов структурализма в социальных науках. Подобное понимание структуры – большой шаг вперед по сравнению с простейшими дескриптивными представлениями о структуре. Но оно порождает серьезные теоретические проблемы, что проявляется, в частности, в леви-строссовской теории родства. Главная трудность, выявленная в ходе двух десятилетий критики структурализма, связана с тем, что он основан на логике, несовместимой с представлением о практике как субстанции социальных процессов и, соответственно, с последовательной историчностью в социальном анализе (см. об этом Главу 7). Без историчности же политика изменений становится нереальной.

Митчелл пытается вернуть в лоно анализа практику и историю и тем самым спасти рациональность феминистской политики. Для этого она показывает, что базовая структура (обмен женщинами) и патриархатный социальный порядок, на ней основанный, были культурными универсалиями вплоть до эпохи капитализма, но в них больше нет необходимости. Аргументы Митчелл оказались важны в середине 1970-х годов – для обеспечения рационального обоснования самостоятельного женского движения. Но из этих аргументов также следовало, что борьба против патриархата во все предыдущие исторические периоды была иррациональной. Это кажется, мягко говоря, спорным. Чтобы избежать подобного разделения истории на две части, нам необходимо преодолеть свойственное структурализму жесткое разделение между базовой структурой и лежащей на поверхности практикой.

Иллюстрацией более успешного решения этой проблемы служит другая классическая работа по изучению систем родства. В работе Майкла Янга и Питера Уиллмотта «Семья и родство в Восточном Лондоне» («Family and Kinship in East London») описана матрифокальная структура родства в рабочем районе Бетнал-Грин, где мать является ключевой фигурой, а отношения между матерью и дочерью служат центральной осью семьи. Эта структура показана в процессе становления, как постоянно создающаяся и изменяющаяся в процессе очень активной социальной практики. Дочери и матери снуют между домами друг друга до двенадцати раз в день; они обмениваются такими услугами, как уход за больными, и ведут переговоры относительно других семейных отношений, включая замужество дочери. Представление о «структуре» в данном случае не оторвано от практики, хотя и не дано в опыте. У жителей Бетнал-Грина нет понятия «матрифокальность». Присутствуя в повседневной практике, структура открыта для значительных изменений под влиянием практики. Это показали Янг и Уиллмотт в своем знаменитом описании миграции в окраинные пригородные поселения с их отдельными домиками, которая породила неожиданную и нежелательную для людей модель нукlearной семьи. Как заметил один из мигрантов: «Это все равно, что быть запертым в коробке, пока не помрешь».

Идея активного присутствия структуры в практике и активного формирования структуры практикой в настоящее время получила теоретическое оформление. Особенно ясно эта идея

представлена в *дуалистических* подходах к структуре, предложенных Пьером Бурдьё и Энтони Гидденсом. В работе Бурдьё «Очерк теории практики» («Outline of a Theory of Practice») структура и практика связываются между собой главным образом с помощью ироничного подчеркивания непредусмотренных следствий стратегий, используемых социальными акторами. Использование индивидуальной или семейной стратегии приводит к воспроизводству того социального порядка, из которого эти стратегии исходили. Большое достоинство подхода Бурдьё состоит в признании изобретательности и энергии, с которыми люди строят свою жизнь, – весьма необычная для теоретической социологии особенность. Но его образ социальной структуры так сильно зависит от идеи социального «воспроизводства», что он плохо совмещается с любыми представлениями об исторической динамике, разве что она реализуется независимо от акторов и неведомо для них. В мире Бурдьё история просто происходит, а не творится.

Теория структуризации Гидденса связывает структуру и практику еще сильнее. Человеческая практика всегда предполагает наличие социальной структуры, в том смысле, что она обязательно включает в себя социальные правила или ресурсы. Структура всегда возникает из практики и конституируется ею. Ни структура не может быть понята без практики, ни практика без структуры.

Этот баланс, который Гидденс назвал дуальностью структуры, наиболее адекватен требованиям гендерной теории по сравнению с другими теоретическими подходами. Однако и с ним связаны две серьезные проблемы. Делая связь между структурой и практикой вопросом *логики*, требованием социального анализа вообще, Гидденс не предусматривает возможность того, что форма этой связи способна исторически измениться. Эта возможность в имплицитной форме предусмотрена в концепции Митчелл и эксплицитно – в практической политике освободительных движений. Ее значимость для гендерного анализа очевидна. Пытаясь отобразить влияние структуры как целого, Гидденс делает явный шаг назад в сторону классического структурализма. Его парадигмой в данном случае является структура языка, а это глубоко ошибочно для анализа таких структур, как гендер или класс. Делая акцент на «виртуальности» структуры, он тем самым утверждает, что контекст события скорее ограничен альтернативами, вытекающими из данных структурных принципов, нежели задан исторически. Это возвращает его к логике обратимых трансформаций, характерной для структурализма.

Отсюда ясно, что дуальные модели должны быть открыты истории. Главное здесь то, что практика, предполагающая наличие структуры, как показали Бурдьё и Гидденс, всегда является реакцией на данную *ситуацию*. Практика представляет собой трансформацию этой ситуации в определенном направлении. Описать структуру означает выяснить, *что* в данной ситуации ограничивает свободную игру практики. Поскольку результатом практики является трансформированная ситуация, которая, в свою очередь, становится объектом новой практики, «структура» определяет, каким образом практика (протяженная во времени) ограничивает следующую практику.

Поскольку человеческое действие включает в себя элементы свободного творчества («творчества в пределах определенных границ», по выражению Бурдьё), а человеческое знание рефлексивно, практика может быть направлена против того, что ее ограничивает; поэтому структура может быть осознанным объектом практики. Но практика не может избавиться от структуры, не может свободно осуществляться вне заданных ранее условий, точно так же как социальные акторы не являются просто «носителями» структуры. Акторы в своей практической деятельности всегда должны считаться с ограничениями, порождаемыми историей. Например, женщины викторианской эпохи, отвергавшие замужество, не имели возможности свободно выбрать тот тип сексуальной жизни, который им нравился. Часто единственной реальной альтернативой было ее полное отсутствие.

В большинстве трактовок социальных гендерных отношений не производится членения структуры на подструктуры. В некоторых работах, таких как «Современное угнетение женщин» («Women's Oppression Today») Мишель Барретт, конечно, выделяются отдельные темы: идеология, образование, производство и государство. Но в феминистской мысли существовала сильная тенденция представлять все эти сферы в качестве проявлений единой

структуры подчинения женщин и доминирования мужчин. Теория половых ролей в каком-то смысле соответствует этой тенденции.

Проблематичность такого подхода выражается в том, что для объяснения этой единой структуры разные авторы предлагают множество разных «конечных причин». Это императивы эволюции, преимущество гормонально предопределенной агрессивности, физическая сила мужчин, необходимость вынашивать детей, универсальность семьи, функциональные требования капитализма, половое разделение труда при уходе за детьми и другие конкурирующие между собой объяснения. Поскольку ни одно из этих объяснений не удастся серьезно обосновать, они подрывают друг друга. Поэтому в феминистской теории конца 1970-х – 1980-х годов существует тенденция рассматривать подчинение/господство как своего рода чистый феномен, вообще не имеющий причин.

Но эта тупиковая ситуация может также свидетельствовать о том, что данная трактовка структуры является чересчур упрощенной. Принципиально иной подход предложила Джулиет Митчелл в своей первой книге «Женское сословие» («Woman's Estate»), но впервые он был намечен в ее знаменитой статье «Женщины: самая длинная революция», написанной еще в 1966 году. Следуя скорее методу, нежели букве альтюссеровской ревизии марксизма, Митчелл разделила гендерные отношения на четыре *структуры*: производство, воспроизводство, социализация и сексуальность. Каждая из них, с ее точки зрения, продуцирует свою форму угнетения женщин. Каждая имеет свой исторический путь и в различные периоды может изменяться с большей или меньшей скоростью по сравнению с остальными. Хотя Митчелл не делает на этом акцента, в ее аргументации подразумевается возможность конфликта между моделями отношений в разных структурах. Таким образом, структура гендерных отношений может быть внутренне противоречива.

Я считаю, что понятия внутренней дифференциации, исторической неравномерности и внутренних противоречий совершенно необходимы для понимания структуры гендерных отношений. Весьма характерно, что этот аспект работ Митчелл игнорировался более поздними теоретиками, хотя четырехчастная модель успешно использовалась в социальной истории Керрин Рейгер и Майклом Гилдингом.

Одной из причин теоретической не востребоваемости модели Митчелл является ее внутренняя противоречивость. Производство, воспроизводство и т. п. не являются структурами в строгом смысле этого слова. Это типы практики, причем пересекающиеся между собой. Сексуальность достаточно явно присутствует в воспроизводстве. Социализация, если мы примем феминистскую трактовку заботы о детях как работы, является формой производства. Разумеется, во всех этих практиках можно обнаружить структуры, но в аргументах Митчелл нет ничего, что позволило бы предположить, что структуры, проявляющиеся во всех этих сферах практики, являются самостоятельными. Таким образом, Митчелл хотя и показала путь к новой форме структурного анализа, но не осуществила его.

Однако детальные исследования подчинения женщин, предпринятые со времени публикации «Женского сословия», смогли выполнить эту задачу. Исследования последнего десятилетия выявили двумя существенным образом различающимися структурами отношений между мужчинами и женщинами. Одна связана с разделением труда: организацией домашней работы и заботы о детях; разделением между оплачиваемой и неоплачиваемой работами; сегрегацией рынков труда и созданием «мужских» и «женских» рабочих мест; дискриминацией при профессиональной подготовке и продвижении по службе; неравными зарплатами и неравным обменом. Вторая связана с властью, контролем и принуждением: с иерархиями в сфере государства и в сфере бизнеса; институциональным насилием и актами насилия в межличностных отношениях; регулированием сексуальности и надзором за ней; властью в семье и ее оспариванием.

Говоря, что эти структуры существенным образом различаются, мы не имеем в виду, что они принципиально *отделены друг от друга*. На самом деле они постоянно пересекаются. Однако нужно подчеркнуть, что существуют фундаментальные различия между разными способами упорядочивания социальных отношений. В первом приближении можно сказать, что главный организационный принцип первой структуры – отделение или разделение, а второй – неравноправная интеграция. Накопление богатства посредством производства

товаров и услуг следует исторической траектории, отличной от траектории институционализации власти, и иначе влияет на формирование фемининности и маскулинности.

В терминах структур труда и власти могут быть поняты многие институциональные и психологические проблемы, но не все. Так, способы, которыми люди создают между собой эмоциональные связи, и повседневные проявления эмоциональных отношений, видимо, подчиняются другой – хотя, несомненно, также социальной – логике. Проблемы, поднятые освободительным движением геев, психоанализом и феминистскими дискуссиями о сексуальности, не сводятся исключительно к труду и власти. Короче говоря, видимо, существует третья важная структура. Она связана с паттернизацией выбора объектов сексуального желания и сексуальной привлекательности; с воспроизводством гетеро- и гомосексуальности и отношений между ними; с социально структурированными гендерными антагонизмами (женоненавистничеством, мужененавистничеством, ненавистью к себе); с доверием и недоверием, ревностью и солидарностью в брачных и других отношениях; с эмоциональными отношениями, связанными с воспитанием детей.

Дальнейший анализ в данной главе основан на допущении о том, что три эти структуры эмпирически проявляются как основные структуры гендерных отношений. Это означает, что (а) их можно обнаружить в поле современных гендерных исследований и в гендерной политике; (б) с их помощью можно объяснить значительную часть распознаваемой в настоящее время структурной динамики. Однако это допущение не означает, что это единственные структуры, которые можно вообще обнаружить, и что ими исчерпывается все интересующее нас поле. Не означает оно также, что они являются необходимыми структурами (подобное суждение могло бы вернуть нас к метафизике конечных причин). Предпринимаемый здесь анализ базируется на более мягком, скорее прагматичном, но, вероятно, легче доказуемом утверждении о том, что данный подход может быть полезен для понимания современной истории.

Общее представление о социальной структуре как о паттерне, ограничивающем практику и свойственном определенному множеству социальных отношений, можно конкретизировать разными способами. Выделенные выше структуры – разделение труда, структура власти и структура катексиса – служат примерами того, что я буду называть структурными моделями. Они работают на определенном уровне логической сложности и в принципе позволяют сравнивать на этом уровне разные исторические ситуации. Они дают возможность поставить такие вопросы: что изменилось в половом разделении труда в результате капиталистической индустриализации? есть ли разница в гендерной структуре власти между коммунистическими и некоммунистическими государствами?

В долгих дискуссиях о структурализме структурное моделирование стало всем и вся структурного анализа. Имела место объяснимая одержимость структурными моделями, основанными на виртуальной трансформации, такими как теории родства и мифа Леви-Стросса, теория развития интеллекта Пиаже, теория синтаксиса Хомского. Они были интеллектуально мощными и придали порядок и точность социальной науке в то время, когда в ней доминировала смесь функционализма и ползучего эмпиризма. В то же время они отвлекли внимание от других возможностей структурного анализа, и особенно – от связи с историей.

На эти возможности указал Люсьен Гольдман, написавший программную работу на эту тему. Хотя его теория «генетического структурализма» так и не вышла за рамки методологического наброска, он продемонстрировал классический пример применения структурного анализа к культуре. Гольдман показал, что возможно изучать трансформации сложной структуры в реальном времени – в противоположность *виртуальному* времени структурализма. Дальнейший анализ в этой главе основан на данном подходе. Метод, использованный Гольдманом в работе «Сокровенный Бог» («The Hidden God»), свидетельствует о важности структурного анализа другого рода, описывающего инвентарь структурных особенностей данной конкретной ситуации.

Если структурные модели подталкивают исследователя к сравнению разных ситуаций на одном логическом уровне, то структурные инвентаризации подталкивают к более полному

исследованию данной ситуации на всех ее уровнях и во всех измерениях. В этом нет ничего особенно удивительного. Любой историк, описывающий фон, на котором разворачивалось то или иное событие, любой политик, рассматривающий текущее взаимодействие или расклад сил, составляет структурный инвентарь. Любая попытка осмыслить гендерную политику в настоящий момент, определить, где мы в этом плане находимся, любая попытка охарактеризовать гендерные отношения в другой культуре или в другое время также порождает необходимость структурной инвентаризации.

Для осуществления этой процедуры анализа были разработаны два полезных понятия. Джилл Мэтьюз употребляет выражение «гендерный порядок», подразумевая под ним исторически сконструированный паттерн властных отношений между мужчинами и женщинами и соответствующие ему определения фемининности и маскулинности. Вслед за Мэтьюз я буду использовать этот термин применительно к структурному инвентарю общества в целом. Понятие «гендерный режим», применявшееся в наших исследованиях в области образования для описания осуществления гендерной политики в школах, основано на той же логике, но применяемой к более частным случаям. Я буду пользоваться им для обозначения структурного инвентаря конкретных социальных институтов.

Введение процедуры структурного описания не означает возникновения нового круга тем или новой проблематики. Разделение труда, структура власти, структура катексиса являются главными элементами любого гендерного порядка или гендерного режима. Структурные модели и структурные инвентари являются принципиально взаимодополняющими способами рассмотрения одних и тех же фактов. На практике они постоянно применяются вместе, смещаются лишь акценты. В этой и следующей главах мы рассмотрим их по отдельности для того, чтобы лучше показать логику анализа, но разделение их, конечно, не будет абсолютным.

Труд

Половое разделение труда в простейшей форме означает распределение определенных видов работ среди конкретных категорий людей. Оно является социальной структурой в той мере, в какой это распределение служит ограничением дальнейшей практики. Это происходит несколькими взаимосвязанными способами. Во-первых, предыдущее разделение труда становится социальным правилом, при котором работа закрепляется за определенными категориями людей. Работник, поступающий на работу в фирму, получает работу X, если он женщина, и работу Y, если он мужчина. Наличие таких правил можно обнаружить почти в каждом исследовании, посвященном гендерным аспектам оплачиваемого труда. В них было показано, что этот феномен – отнюдь не только пережиток, существующий в низкотехнологичных производствах. Превосходное этнографическое исследование британского моторосборочного завода, выполненное Рут Кавендиш, «Женщины на конвейере» («Women on the Line»), показало практически абсолютное разделение между работами, которые выполняют женщины и мужчины.

«Было очевидно, – замечает автор, – что единственная квалификация, которая нужна для получения лучшей работы, заключается в том, чтобы быть мужчиной».

Моторные двигатели не являются больше передним краем прогрессивных технологий, но уж компьютеры сюда точно относятся. Гейм и Прингл в книге «Гендер на работе» («Gender at Work») показали, что рост компьютеризации не привел к уменьшению сегрегации рынка труда. Женщины нанимаются в качестве операторов, мужчины – преимущественно в качестве программистов, торговых представителей, системных аналитиков и менеджеров.

Действующее правило сегрегации ложится в основу новых форм ограничения практики, таких как дифференциация при подготовке специалистов. Когда женщины и мужчины получают разную подготовку, дискриминация при найме становится, с точки зрения работодателя, рациональной. Как показала Кэрол О’Доннелл в «Основе для сделки» («The Basis of the Bargain»), половые различия в профессиональной подготовке являются весьма общей характеристикой взаимодействия образовательной системы и рынков труда. С помощью таких механизмов разделение труда по полу превращается в сугубо техническое разделение, которое сопротивляется прямым антидискриминационным стратегиям. Поскольку

мужчины обычно лучше, чем женщины, подготовлены и обучены, выбор «лучшего претендента» естественно означает выбор мужчины. Почти абсолютное преобладание мужчин в верхних эшелонах университетов служит ярким примером такой косвенной дискриминации.

Профессиональная подготовка выступает одним из механизмов, с помощью которых разделение труда по полу превращается в мощную систему социальных ограничений. Насколько она мощна, становится понятно, как только предпринимается сознательная попытка ее изменить. Здесь уместно вспомнить опыт осуществления антидискриминационных программ и программ, построенных по принципу обеспечения преимуществ меньшинствам (affirmative action programs), и то, как медленно удавалось достичь прогресса в этой области. Менее известны, но не менее важны начавшие накапливаться данные о попытках изменить систему разделения труда в сфере неоплачиваемой работы, в частности домашней работы и ухода за детьми. Это стало, как отметила Линн Сигал, важным фокусом индивидуальных политических стратегий, которые выросли в недрах движения новых левых в Британии 1970-х годов. Пол Амато, размышляя по поводу двухлетнего ведения домашнего хозяйства в Мельбурне, отмечает, что его решение не находило никакого понимания среди мужчин, с которыми ему приходилось общаться. Ему говорили, что мужчины должны работать (т. е. домашняя работа, по их мнению, – не работа) и не должны экономически зависеть от женщин. Одно из решений этой дилеммы состояло в том, чтобы считать Амато успешным эксплуататором своей жены. Очевидно, что принятое разделение труда по полу имеет сильную поддержку в культуре. Недавнее исследование, проведенное в Южной Англии Р. Палом, показало, что безработные мужчины не начинают больше заниматься домашним хозяйством, а из австралийского исследования «инверсии домашних ролей», проведенного Грэмом Расселлом, следует, что практика совместной заботы супругов о детях остается крайне нерегулярной.

Однако сам факт, что существуют попытки пересмотреть эти практики наряду с созданием нового разделения труда по полу в таких областях производства, как информационные технологии, указывает: данная структура является не только структурным ограничением, но и объектом воздействия со стороны практики. Исследования, в которых документируется разделение труда на рабочих местах, содержат свидетельства и о социальной деятельности, направленной на поддержание этой системы. На фабрике, описанной Рут Кавендиш, все управление осуществляли мужчины, такая же ситуация была в профсоюзе; и не случайно обе эти иерархии сопротивлялись попыткам женщин-работниц (выраженным, в частности, в проведении неофициальной забастовки) эту систему изменить. Другое британское исследование ситуации на уровне рабочих мест, проведенное Дэвидом Коллинсоном и Дэвидом Найтсом, наглядно показало, как поддерживается половое разделение труда среди «белых воротничков», на этот раз – в страховой компании. Женщин, которые хотели продвинуться по службе, чтобы делать что-то большее, чем рутинная возня с бумагами, мужчины-менеджеры отговаривали делать это, аргументируя тем, что мужчины сами должны решать те проблемы, которые они создают. В результате сложилась целая мини-идеология, согласно которой женщины психологически не приспособлены к страховой работе, а истинные предубеждения менеджеров против женщин обосновывались с помощью апелляции к предубеждениям против женщин, которые якобы есть у клиентов.

Тем не менее гендерные режимы двух этих организаций значительно различались, и механизмы, с помощью которых поддерживалось разделение труда по полу, могли быть совершенно разными. Работа Майкла Корды «Мужской шовинизм» («Male Chauvinism») – одно из первых описаний американской гендерной политики на рабочем месте – представляет угнетение женщин преимущественно как следствие индивидуальной дискриминации, исходящей со стороны боссов. Подобное объяснение неприменимо к ситуации коллективной дискриминации, например в случае фабрики, описанной Кавендиш. Но в мире нью-йоркских офисов корпораций, о котором писал Корда и в котором найм, увольнение, определение зарплаты и продвижение по службе очень индивидуализированы, исключение женщин, вероятно, действительно осуществляется из-за индивидуального сексизма менеджеров корпораций.

За пределами конкретного рабочего места имеет место более широкий социальный процесс, определяющий половое разделение труда для целых категорий рабочих. Маргарет Пауэр говорит о «создании женской занятости» как об историческом процессе, в ходе которого формируются новые категории работы и работников. Очевидно, что существующее разделение труда не воспроизводится механически. Сейчас в нашем распоряжении имеются исследования отдельных видов деятельности, которые это документируют. Одно из лучших – case study Евы Гамарников, которое демонстрирует, что современный тип занятости медсестер был создан в результате деятельности таких организаторов работы медперсонала, как Флоренс Найтингейл. Это была своего рода сделка: признавалось, что контроль над медицинской практикой остается за мужчинами (т. е. врачами), но при этом открывалась возможность карьеры среднего медперсонала для женщин среднего класса.

Как показывает данное исследование, конструирование разделения труда по полу связано не только с распределением работы между людьми разного пола. Оно включает в себя и организацию данной работы как таковой. Дискуссии по поводу «правильной технологии» – механизмов или техники, которые менее вредны для окружающей среды, или более дешевы, или специально приспособлены к потребностям третьего мира, – сделали очевидным тот факт, что единственного способа организации труда не существует. Есть даже альтернативные способы производства ядерной бомбы. Социотехническая система, такая как общественное производство или домашняя работа, может быть организована по-разному. Поэтому конкретная техническая организация труда и практики, осуществляемые в данный момент, всегда говорят об определенном социальном выборе. Трудовой процесс всегда основан на технологии, созданной в расчете на определенные социальные условия – в том числе и на разделение труда по полу. Например, станки на хлопковых фабриках в северо-восточной Англии и южной Шотландии на заре индустриальной революции были сконструированы так, чтобы на них могли работать женщины и дети. По замечанию Т.К. Смоут, на новые фабрики предпочитали нанимать женщин и детей, так как считалось, что они будут лучше соблюдать беспрецедентно жесткие требования трудовой дисциплины. Перед владельцами фабрик встала интересная проблема: что делать с их мужьями для того, чтобы привлечь столь удобную рабочую силу?

Более сложный пример представляет собой технология домашней работы. Такие механизмы, как пылесосы или стиральные машины, в равной степени приспособлены для эксплуатации и мужчинами, и женщинами. Однако самые популярные модели рассчитаны только на одно домохозяйство и предполагают, что в каждом домохозяйстве есть только один работник. Такая конструкция основана на принятом разделении труда по полу, а не на каких-то альтернативных или возможных моделях распределения обязанностей. В рекламе домашних приборов фигурируют образы улыбающихся женщин (но не мужчин), использующих данный прибор. Вполне возможно создать оборудование для выполнения той же самой работы при других социальных условиях. Например, общественные прачечные, принадлежавшие британским муниципалитетам в 1930 – 1940-х годах, создавали возможность механизации стирки, альтернативную домашней. Они прекратили свое существование из-за послевоенной приватизации. Бум товаров потребления, разразившийся в 1950-х, среди прочего привел к утверждению полового разделения домашнего труда новыми средствами.

Из этих соображений следует, что сама по себе идея *разделения труда* является слишком узкой. Мы имеем дело не просто с распределением работы, но с природой и способом организации самой работы. Невозможно также отделить распределение труда и его организацию от распределения результатов работы, т. е. услуг и доходов. Обратимся еще раз к описанной Кавендиш фабрике. Упорное стремление мужчин сохранить разделение труда по полу становится более понятным, если принять во внимание, что мужская работа гораздо лучше оплачивается. Некоторые мужчины на фабрике за более легкую работу получали вдвое большую заработную плату, чем женщины. Женщины получали «зарплату замужних женщин» вне зависимости от того, были они замужем или нет. И это, конечно, не единичный случай. Как показано в Главе 1, в Австралии – стране, где теоретически уже в течение более чем

пятнадцати лет существует «равная оплата» для мужчин и женщин, – реальный средний доход женщин до сих пор не достигает и половины среднего дохода мужчин.

Таким образом, *разделение труда по полу* не может больше рассматриваться как изолированная структура. Его следует воспринимать как часть более широкой модели – гендерно структурированной системы производства, потребления и распределения.

Анализ гендерного структурирования производства, а не просто полового разделения труда позволяет более ясно увидеть способы дифференциации рабочей силы, которые связаны с гендерной политикой, но действуют в *рамках* широких категорий пола. Некоторые из них связаны с коммерциализацией секса – в проституции или индустрии развлечений. Однако обсуждаемое поле дифференциации гораздо шире. К нему же относятся, например, такие примеры конструирования профессии, как администратор в гостинице, стюардесса или секретарь, которые представляют собой сочетание определенных технических навыков с конкретным типом женственности. Некоторые виды деятельности, особенно моделирование одежды и театр, ассоциируются с гомосексуальной маскулинностью. С другой стороны, управление бизнесом связано с формами маскулинности, организованными на основе личного доминирования: «жесткий» стиль в бизнесе вызывает восхищение, а такие выражения, как «агрессивный маркетинг», на управленческом жаргоне имеют позитивную окраску.

Это расширенное понятия, однако, расходится с понятием «способ производства» или с его ближайшим эквивалентом «социальное разделение труда», применяемыми в марксистской теории. Существует значительное число работ, где предпринята попытка связать положение женщины с этими концептами. Как показано в Главе 3, это была самая важная гендерная теория, объясняющая гендерные отношения с помощью внешних факторов. Бесплодность данного теоретического предприятия обусловлена в основном тем, что этому подходу недоставало смелости. Почти все сторонники этого подхода полностью принимали традиционное для марксизма определение «капиталистического способа производства» как системы производства, в основе которой лежат *классовые* отношения. Даже попытка определить «домашний способ производства», связанный с домашним хозяйством, не поколебала основы классового анализа капитализма.

Сейчас уже понятно, что гендерное разделение не является идеологическим дополнением к классово структурированному способу производства. Оно глубоко укоренено в самом производстве. Оно не сводится к домашней работе или даже к разделению между бесплатной домашней работой и оплачиваемой работой на производстве. Оно является одной из главных характеристик организации производства. Это не пережиток докапиталистических способов производства. Как показывают примеры компьютерной индустрии и транснациональных корпораций, оно активно воспроизводится в наиболее передовых секторах мировой капиталистической экономики.

Эти аргументы уверенно приводят нас к заключению, сделанному Гейм и Прингл. Способы гендерного разделения являются фундаментальной и сущностной характеристикой капиталистической системы, такой же фундаментальной, как и способы классового разделения. Социалистическая теория не может далее игнорировать то обстоятельство, что капитализм – это система, управляемая мужчинами, и в значительной степени – для их собственной пользы.

Это одно из оснований для серьезного пересмотра социалистического анализа капитализма. Ведь феминистская аргументация имеет интересную параллель с концепциями радикальных движений третьего мира, в которых капитализм понимается в основном как система глобального неравенства и империализма. В их единой платформе предлагается новое видение капитализма. Он рассматривается скорее как система концентрации и регуляции прибыли, извлекаемой с помощью ряда качественно отличающихся друг от друга механизмов эксплуатации, а не как однородная по своей сути структура, подразумеваемая понятием «способ производства». Если это в общих чертах верно, мы не нуждаемся более в постулировании каких-то боковых линий развития, подобных той, которую вывел в своей работе «Капитализм, семья и личная жизнь» («Capitalism, the Family and Personal Life») Эли Зарецки. Он предположил, что капитализм ассимилировал существовавшую до него систему патриархатной организации гендера или домашней жизни и использовал ее для своего

собственного воспроизводства. Связь здесь более прямая. Капитализм отчасти сформировался благодаря возможностям применения власти и извлечения прибыли, созданным гендерными отношениями. И это верно по сей день.

Если принять это понимание гендерных отношений в производстве и потреблении, каковы тогда главные принципы их организации? С какого рода *системой* мы имеем дело? С этого момента мои рассуждения принимают более спекулятивный и нестрогий характер. Я предлагаю скорее организующую гипотезу, нежели окончательное заключение. Она основана тем не менее на тех исследованиях домашнего и производственного труда, о которых уже говорилось выше, так же как и на некотором практическом опыте участия в реформах. Особенно важны здесь пять пунктов:

1. Сам масштаб и настойчивое утверждение демаркаций между женской и мужской работой, невзирая на их техническую иррациональность и невозможность сделать их абсолютными.

2. Связь этих многочисленных демаркаций с проблемами прибыли или контроля над трудом (или с ними обеими) на рабочем месте.

3. Способ их функционирования, исключающий практически для всех женщин возможность такой аккумуляции своего богатства, чтобы оно могло стать капиталом, или возможность карьеры, которая привела бы к контролю над капиталом значительного размера.

4. Важность практик, поддерживающих мужскую солидарность, – часто поверх линий классового разделения – в деле поддержания этих демаркаций.

5. Согласованность системы разделения труда и различий в доходе, благодаря которой забота о детях возлагается на женщин, особенно молодых.

Многое здесь объясняется, если исходить из двух главных принципов. Один из них можно назвать гендерной логикой аккумуляции. Благодаря общей гендерной организации труда экономическая выгода концентрируется на одной стороне, а экономические потери – на другой, причем в таких масштабах, которые позволяют этой системе аккумуляции воспроизводиться. Кристин Делфи обнаружила этот механизм в своем исследовании французских семей, но свела эту проблему к ситуации домохозяйства и отношениям в браке, не обратив внимания на гораздо больший масштаб такой аккумуляции на производстве. Выгоды и затраты не распределяются между полами как группами по принципу «все или ничего». Торговцы печатной продукцией, которых изучала Синтия Кокберн, получают небольшую выгоду; медиамангаты, которые нанимают их, получают больше. Не все женщины оказываются главными неудачниками – это факт стратегической важности для феминизма. Но все же выгоды, возможности и затраты достаточно велики, чтобы за них стоило бороться, что и поддерживает в активном состоянии практику демаркаций и исключения, осуществляемую многими группами мужчин.

Есть два внутренних барьера на пути расширения масштабов гендеризованной аккумуляции. Один заключается в том, что отмеченное нами разделение труда является далеко не абсолютным. Существует очень мало женщин-моряков и мужчин-секретарей, но довольно много людей обоего пола работают клерками, лавочниками, торговыми представителями, программистами и учителями. Большинство видов сельскохозяйственного труда выполняется людьми разного пола совместно. Второй барьер заключается в том, что брак – это союз двух людей. Возможности извлекать материальную выгоду из труда только одного человека всегда ограничены. Поэтому и масштаб экономического неравенства, основанного на распределении обязанностей в браке, весьма сильно ограничен по сравнению с экономическим неравенством, которое складывается благодаря аккумуляции на производстве. В этом отношении нуклеарная форма семьи может считаться важным ограничением полового неравенства. Происходящая коммерциализация домашней работы, например развитие сетей быстрого питания, скорее всего, увеличит экономическое неравенство полов.

Второй принцип можно назвать – хотя, может быть, и не совсем удачно – политической экономией маскулинности. Большое число важных практик связано с определениями маскулинности и ее мобилизацией как экономического ресурса. Энн Кертхойз утверждает, что базисом разделения труда по полу служит уход за детьми и что проблема ухода за детьми является структурным базисом феминизма. Это, конечно, преувеличение, но важность проблемы неоспорима. Кертхойз делает весьма точное замечание: уход за детьми – проблема, которая затрагивает не столько женщин, сколько мужчин: «представление о том, что забота о маленьких детях – неподобающее для мужчин занятие, укоренено необычайно глубоко». Поскольку мужчины имеют больше возможностей для контроля над разделением труда, чем женщины, их коллективный выбор *не* заботиться о детях, как утверждает Маргарет Полатник, отражает доминирующее определение мужских интересов и фактически помогает им сохранять властные позиции. Способность управляющих в ситуации многих производственных конфликтов мобилизовать работников-мужчин и их профсоюзы в скрытые объединения, направленные против работников-женщин, подтверждает силу этих определений интересов. Как связаны между собой конкретные способы определения маскулинности, будет показано ниже. Пока же я ограничусь замечанием о том, что гегемонная модель маскулинности, организуя мужскую солидарность, становится как экономической, так и культурной силой.

Эта сила не обходится без сопротивления. Разделение труда по полу само по себе создает базис для женской солидарности. Широко распространенное в общественном производстве отчуждение женщин от карьерных возможностей дает им опыт совместной работы и мало структурных оснований для конкуренции друг с другом. Практика ежедневных перемещений из пригорода в город делает женщин в дневное время основным населением спальных пригородов, и социологическое изучение новых пригородов, как, например, работа Лин Ричардс, показывает, насколько важны для них отношения друг с другом, как они их ищут и насколько тщательно поддерживают. Принимая участие в дискуссии по поводу экономического спада в Британии, Беатрикс Кэмпбелл заметила: разделение труда в сфере ухода за детьми означает, что молодые одинокие матери, находящиеся на социальном пособии, попадают в сообщество женщин разных поколений. Поскольку никто из них не тянет одеяло на себя, они обретают потенциал для самоопределения и сопротивления.

Власть

Конкретные случаи социального взаимодействия, включающие властные отношения, достаточно легко доступны для наблюдения. М-р Барретт, отец семейства викторианской эпохи, запрещает своей дочери выходить замуж; парламент возводит гомосексуальный контакт в ранг преступления; менеджер банка отказывает в займе незамужней женщине; группа молодых парней насилует знакомую девушку. Достаточно трудно рассмотреть за индивидуальными актами применения силы или угнетения *структуру* власти, совокупность социальных отношений, довольно распространенных и устойчивых. В то же время действия, подобные перечисленным выше, невозможно понять без такой структуры. Изнасилование, например, обычно представляемое в СМИ как индивидуальное отклонение, является формой межличностного насилия, глубоко связанной с неравным распределением власти и идеологией мужского превосходства. Это далеко не отклонение от существующего социального порядка, а в значительной степени – средство его укрепления.

Эта связь насилия с идеологией указывает на многоликий характер социальной власти. Один из ее необходимых компонентов – сила. Не случайно средства организованного насилия – оружие и знание военной техники – почти полностью находятся в руках мужчин, как мы видели в Главе 1. Но «голая сила» встречается редко. Гораздо чаще насилие представляет собой часть комплекса, включающего в себя также институты и способы их организации. Власть может выражаться в соотношении возможностей или неравенстве ресурсов на рабочем месте, в домохозяйстве или более крупном институте. Вообще говоря, корпорациями, правительственными департаментами и университетами управляют мужчины, которые организуют дела так, что женщинам исключительно трудно достичь высоких должностей. Организационный контроль не более обнажен, чем обычно обнажена любая сила. И то и другое скрыто и зависит от соответствующих идеологий. Возможность навязывать

определение ситуации, задавать условия, в которых будут интерпретироваться события и обсуждаться проблемы, формулироваться идеи и определяться мораль, короче говоря, возможность утверждать гегемонию – также существенная часть социальной власти. Значительная часть критики, исходящей из феминистских работ и освободительного движения геев, посвящена борьбе за культурную власть, например борьбе против культурного определения женщин как слабых или гомосексуалов как душевнобольных.

То, что эти властные отношения функционируют как социальная структура, как модель регуляции социальной практики, в каком-то смысле слишком очевидно. Структурное ограничение практик касается даже вопросов элементарного выживания. Хелен Беар (Ware) в работе «Женщины, демография и развитие» («Women, Demography and Development») отмечает, что в богатых странах, где доступ к основным продуктам питания не представляет проблему, женщины живут дольше мужчин; в беднейших же странах женщины умирают раньше мужчин. Таким образом, оказывается: в тех случаях, когда на карту поставлена сама жизнь, против женщин применяются такие формы дискриминации, как ограничение еды и медицинского обслуживания. Различия в детской смертности, включая инфантицид девочек, – другой пример из этого же ряда.

Менее очевидно, но так же важно, что такая практика ограничивает и поведение тех, кто обладает властью. Мужчины занимают властную позицию в гендерных отношениях, но в такой специфической форме, что она накладывает ограничения на них самих. Например, при патриархатном порядке большое значение придается моногамному браку, который создает серьезное напряжение между мужчинами в случае адюльтера: структура, определяющая женщин как вид имущества, обязывает их мстить за хищение. Поддержка гегемонного определения маскулинности часто является вопросом огромной важности, и гомосексуалы сплошь и рядом вызывают враждебное отношение именно потому, что подрывают это определение.

Так же как и в случае труда, структура власти является не только условием, но и объектом воздействия практики. Многие подходы, описывающие патриархат, представляют его как простую, упорядоченную структуру вроде пригородного военного мемориала. Однако за его фасадом можно найти большой беспорядок и множество аномалий. Навязывание порядка требует мобилизации ресурсов и затрачивания энергии. То, что Донзело называет семейной политикой, как раз и является частью такой деятельности. Исследования государства благосостояния, подобные исследованию австралийской системы налогообложения и выплаты пособий, проведенному Шейлой Шейвер, показывают, что аппарат социальной политики предполагает зависимость женщин от мужчин и даже усиливает ее.

Навязывание порядка в культуре или посредством культуры является существенной частью этого проекта. Отмечают, например, тот энтузиазм, с которым члены католической иерархии – все они мужчины – настаивают на идеалах чистоты, кротости и послушания женщин. Эффективность этой политики была продемонстрирована в Ирландии, где церкви удалось выиграть референдум о разрешении/запрещении разводов. В остальных частях капиталистического мира священники уже не играют такой роли, как идеологи в области сексуальности и особенно журналисты. Хотя «достойные» газеты, вроде британской «Гардиан», занимают либеральную позицию в гендерной политике, большинство журналистов массовых изданий остаются неизменными сексистами и гомофобами. Те люди, которые на практике реализуют эту культурную и материальную «политику», не обязательно получают от нее наибольшую личную выгоду. Скорее они участвуют в коллективном проекте, поддерживающем власть мужчин и подчинение женщин.

Если определять власть как легитимное проявление силы, мы можем сказать, что центральную ось силовой структуры гендера составляет генеральная связь власти с маскулинностью. Но это положение осложняется и становится противоречивым из-за наличия второй оси, определяемой через лишение некоторых групп мужчин власти. Если же охарактеризовать это осложнение на более общем уровне, то можно констатировать, что имеет место выстраивание иерархий власти и централизация *внутри* основных гендерных категорий.

Власть мужчин не распространяется равномерно по всем участкам социальной жизни. При одних обстоятельствах властью обладают женщины, при других – власть мужчин рассеивается, ослабляется или оспаривается. В исследованиях американских феминисток, таких как Кэрролл Смит-Розенберг, прослеживается история контролировавшихся женщинами институтов и практик, в том числе образования для девочек, дружеских социальных сетей и нерыночного производства. Можно применить и обратную логику, тогда мы сможем идентифицировать комплекс институтов и сетей, где относительно сконцентрированы сила мужчин и власть маскулинности. Это будет «ядром» властной структуры гендера по сравнению с более рассеянными или оспариваемыми паттернами власти на периферии.

В развитых капиталистических странах явно прослеживаются четыре компонента этого ядра: (а) иерархии и в целом кадры институционализированного насилия, военные и военизированные силы, полиция, системы исполнения наказаний; (б) иерархии и в целом кадры тяжелой промышленности (например, сталелитейные и нефтяные компании) и иерархии высокотехнологичных производств (компьютерное, аэрокосмическое); (в) органы планирования и контроля в центральных государственных структурах; (г) рабочая среда, где особую роль играют физическая выносливость и связь мужчин с техникой.

Связи между (а), (б) и (в) хорошо известны. Президент Эйзенхауэр, не замеченный в феминистских взглядах, предупреждал о власти «военно-промышленного комплекса» в Соединенных Штатах. Очень близкая ситуация наблюдается в Советском Союзе. В обеих странах, если пользоваться словами Джоэля Мозеса об СССР, «женщины практически полностью отчуждены от основных центров, определяющих политику». Эти части комплекса увязываются вместе с помощью идеологии, которая объединяет маскулинность, власть и технологическое насилие и которая лишь недавно попала в фокус внимания исследователей. Но именно связь трех этих компонентов с компонентом (г) имеет решающее значение для гендерной политики в целом. Эта связь обеспечивает массовую базу для милитаристских взглядов и практик, которые без такой базы могли бы вызвать отвращение населения, грозящее дестабилизацией управляющего аппарата, основанного на подобной связи компонентов власти. Вероятно, наиболее яркая особенность этой связи заключается в том, какую роль играют в ней механизмы, особенно моторные двигатели. Постепенное вытеснение всех других транспортных систем этой крайне небезопасной и экологически разрушительной технологией является иллюстрацией и одновременно средством достижения тайного союза между государством, корпоративной элитой и гегемонной маскулинностью рабочего класса.

Участники «мужского движения» 1970-х неоднократно указывали на то, что большинство мужчин на самом деле не соответствует образу жесткой, доминантной и воинственной маскулинности, которую продвигают идеологи патриархата. Но этот образ и не предназначен для того, чтобы ему соответствовать. Целлулоидный героизм Джона Уэйна или Сильвестра Сталлоне кажется героическим только по сравнению с характерами основной массы мужчин, которые ему не соответствуют. Идеология, оправдывающая ядро патриархатного комплекса и абсолютную субординацию женщин, требует создания базирующейся на гендерных признаках иерархии среди мужчин. (Я специально подчеркиваю «базирующейся на гендерных признаках», потому что дискуссии о властных отношениях между мужчинами обычно останавливаются на признании классовых и расовых различий.) Как показало освободительное движение геев, существенной частью этого процесса является создание негативного символа маскулинности в форме стигматизированных аутсайдеров, в особенности мужчин-гомосексуалов. Таким образом, в целом иерархия создается как минимум из трех элементов: гегемонной маскулинности, консервативных маскулинностей (участвующих в коллективном проекте, но не на переднем крае) и подчиненных маскулинностей.

В феминистской мысли 1970-х годов стратегическим местом и главным рычагом угнетения женщин считалась семья. Сейчас маятник качнулся далеко в другую сторону. Стало ясно, что домохозяйство и родственные отношения отнюдь не являются клинически чистым образцом подлинного патриархата. Семья как институт рассматривается сейчас скорее как периферийная, чем центральная часть патриархатного комплекса. Колин Белл и Ховард Ньюби отмечают, что для утверждения власти мужа необходимы постоянные переговоры и сделки о распределении обязанностей. Это необходимо для того, чтобы поддержать семью в

рабочем порядке. Важность таких переговоров и напряжение во властных отношениях внутри семьи подтверждаются значительным корпусом специальных исследований, начиная с классической книги Мирры Комаровски «Брак "синих воротничков"» («Blue-Collar Marriage») и заканчивая более современными работами, такими как «Миры боли» («Worlds of Pain») Лилиан Рубин из Соединенных Штатов, «Гендер и классовое сознание» («Gender and Class Consciousness») Полин Хант из Великобритании, «Открытая рана» («Open Cut») Клэр Вильямс и «Матери и работающие матери» («Mothers and Working Mothers») Яна Харпера и Лин Ричардс из Австралии. В этих исследованиях также зафиксирован недавний исторический сдвиг, заключающийся в том, что мужьям стало значительно труднее утверждать открыто патриархатный режим в семье.

Оспаривание домашнего патриархата в некоторых кругах общества распространено настолько широко, что можно говорить о феминизме рабочего класса, основанном на этой борьбе в той же мере, как и на борьбе за оплачиваемый труд. И во внутрисемейной борьбе за власть жены часто одерживают победу. Исследование семьи Принс как кейса, описанное в Главе 1, также показало, что в некоторых семьях контроль со стороны отца либо подорван, либо совершенно отсутствует. Комаровски отмечала этот факт уже в 1950-х годах. Я полагаю важным признать, что здесь произошла подлинная инверсия властных отношений. Это не значит, что женщинам на время уступили власть, а потом эту власть у них опять заберут. Речь идет о сложнейших результатах домашних конфликтов и переговоров, которые тянулись годами, а то и десятилетиями.

Важно также признать, что эти локальные победы не ниспровергли патриархат. По наблюдениям Комаровски, в тех американских рабочих семьях, где жена в браке играла роль главы, это не могло быть признано публично. Внешне поддерживалась видимость мужской власти. Общий вывод: мы должны отличать *глобальное*, или макроотношения власти, благодаря которым женщины подчинены мужчинам на уровне всего общества, от *локального*, или микроситуации в конкретных домохозяйствах, на конкретных рабочих местах, в конкретных сферах. Локальный паттерн может отличаться от глобального и даже противоречить ему. Такие отклонения могут провоцировать попытки «исправления», т. е. утверждение глобальной модели в качестве нормы и на локальном уровне. Но они могут также означать наличие структурного напряжения, которое в долгосрочной перспективе может привести к изменениям.

Катексис

Для того чтобы распознать социальную структуру в сексуальности, необходимо сначала увидеть ее как социальное явление. Поэтому последующий анализ основывается на идее – высказанной в таких книгах, как «Сексуальное поведение» («Sexual Conduct») Гэньона и Саймона, «История сексуальности» Фуко и «Сексуальность и ее проблемы» («Sexuality and Its Discontents») Уикса, – о том, что сексуальность конструируется социально. Ее телесные аспекты не существуют до или вне социальных практик, с помощью которых формируются и реализуются отношения между людьми. Сексуальность осуществляется и разыгрывается, а не «выражается».

Во всех социальных отношениях присутствует эмоциональное, а возможно, и эротическое измерение. В настоящей книге, однако, акцент будет сделан на том, что в книге «Политика сексуальности при капитализме» («The Politics of Sexuality in Capitalism»), изданной «Красным Коллективом» («Red Collective»), называется «сексуально-социальными отношениями», т. е. на отношениях, образованных эмоциональной привязанностью одного человека к другому. Структуру, организующую эти привязанности, я буду называть «структурой катексиса».

Фрейд использовал термин «катексис» для обозначения психического заряда или инстинктивной энергии, направленной на психический объект, например идею или образ. В данной работе я придаю ему более общий смысл конструирования эмоционально нагруженных социальных отношений с *объектами* (т. е. с другими людьми) в реальном мире. Важно иметь в виду, что, как и в трактовке Фрейда, чувство, направленное на другой объект, может быть враждебным, а не только приятным. Оно может быть также одновременно враждебным и приятным, т. е. амбивалентным. Наиболее близкие отношения между людьми имеют именно такой уровень сложности.

Разумеется, сексуальные практики управляются также и другими структурами. Желая деромантизировать «торговлю женщинами» («the traffic in women»), Эмма Гольдман едко замечает:

Продает ли женщина себя одному мужчине, в браке или вне его, или многим мужчинам – это, в общем-то, вопрос чисто количественный. Признают ли это наши реформаторы или нет, но проституцию порождает экономическая и социальная депривация женщин.

В то же время как психоанализ, так и движение за сексуальное освобождение указывают на то, что паттерны эмоциональной привязанности сами по себе играют ограничивающую роль. Вероятно, их можно анализировать, не впадая в романтизм.

Социальное формирование паттернов желания наиболее наглядно проявляется через набор запретов. Табу инцеста, специальные законы против изнасилования, «возраст согласия»^[14] и гомосексуализм – все это примеры запрещений сексуальных отношений между какими-то конкретными людьми. (Строго говоря, законы запрещают конкретные действия, но интенция состоит в том, чтобы разрушить и сами отношения.) Психоаналитические теории эдипова комплекса и супер-Эго интерпретируют влияние общества на эмоции в основном в терминах интериоризации запретов. Однако запреты были бы беспочвенны без предписаний любви и брака с подходящими для этого людьми и без утверждения определенного вида маскулинности и фемининности. Социальный паттерн желания представляет собой единую систему запретов и стимулов.

В нашей культуре хорошо прослеживаются два организующих принципа. Объекты желания обычно определяются с помощью дихотомии и оппозиции женственного и мужественного, а сексуальная практика в основном организуется в рамках отношений между двумя людьми.

Данные истории и сравнительных исследований разных культур показывают, что связи между полами не всегда были организованы в терминах дихотомии. В настоящее время в богатых капиталистических странах сексуальность жестко организована или как гетеросексуальная, или как гомосексуальная. Если модель сексуальных контактов не может быть отнесена ни к гетеро-, ни к гомосексуальной модели, мы определяем ее как смешанную – бисексуальную. Хотя основной структурой привязанности чаще всего считается пара, гендерная дихотомия желания, по-видимому, имеет некоторый приоритет. Когда пара распадается и ее члены вступают в новые отношения привязанности, почти всегда новый партнер бывает того же пола, что и прежний, каким бы он ни был.

В рамках господствующего паттерна катексис основывается на сексуальных различиях. «Женщина нуждается в мужчине, а мужчине нужна пара» – и так до скончания времен. Солидарность гетеросексуальной пары формируется скорее на базе какого-то рода взаимности, нежели на базе общности ситуации или опыта. В этом ее заметное отличие от солидарностей, созданных структурами труда и власти. Скрытое противоречие, которое здесь содержится, неоднократно служило темой для романтической литературы, а также было довольно важной политической проблемой для феминизма последнего десятилетия. Более того, именно различие полов в значительной мере придает отношениям в паре эротический оттенок. Поэтому различие полов может подчеркиваться как средство усиления удовольствия. Именно этим может объясняться системное преувеличение гендерных различий, которое обсуждается в Главах 4 и 8.

Но «различие» – логический термин, а социальные отношения выходят за пределы логических. Члены гетеросексуальной пары не только различны, они еще и специфическим образом неравны. Гетеросексуальную женщину представляют как сексуальный объект иначе, чем гетеросексуального мужчину. Индустрия моды, индустрия косметики и содержание массовой прессы служат наглядным тому подтверждением. Например, на обложках и женских, и мужских гламурных журналов размещены фотографии женщин, разница состоит лишь в том, как модели одеты и какие они принимают позы. Говоря обобщенно, эротическая взаимность в гегемонной гетеросексуальности базируется на неравном обмене. Участие женщин в этом неравном обмене, как отмечала Эмма Гольдман, можно объяснить материальными причинами. «Двойной стандарт», разрешающий промискуитетную сексуальность мужчинам и запрещающий ее женщинам, абсолютно не означает, что мужчин

обуревают более сильные сексуальные желания; это означает только то, что у них больше власти.

Процесс сексуализации женщин как объектов гетеросексуального желания включает в себя стандартизированные представления о женской привлекательности – что подразумевает само понятие «мода» («fashion»^[15]). Вокруг этого существует целый комплекс напряжений и противоречий. Хотя враждебность может быть и часто бывает направлена на целую гендерную категорию (женоненавистничество, мужененавистничество, гомофобия), относительно привлекательности этот принцип не действует. Скорее гетеросексуальность и гомосексуальность как структурные принципы выступают в роли дефиниций социальной категории, в рамках которой может быть выбран партнер. Вероятно, следствием этого является то, что они конструируются за счет исключения той категории, из которой партнер не может быть выбран.

На психологическом уровне это предполагает подавление, а на социальном уровне – запрещение. И то и другое способствует привлечению внимания к отрицаемому объекту. Классический психоанализ познакомил нас с этим явлением, назвав его амбивалентностью. Его значимость для понимания конструирования маскулинности будет обсуждаться в Главе 9, здесь же я хочу обратить внимание на его структурные подтексты. В работе «Я и Оно» («The Ego and the Id») Фрейд замечает, что «полный эдипов комплекс» имеет две стороны. Под известным треугольником любви и ревности лежит совокупность эмоциональных отношений, в которой привязанности распределяются иначе:

мальчик находится не только в амбивалентном отношении к отцу и останавливает свой нежный объектный выбор на матери, но он одновременно ведет себя как девочка, проявляет нежное женское отношение к отцу и соответствующее ревниво-враждебное к матери.

Карл Юнг предположил: общее правило состоит в том, что подавляется та эмоция, которая не может быть выражена в социальной практике, в результате чего бессознательное предстает как негатив сознательного мышления и общественной жизни.

Если допустить, что это так, то нужно признать, что видимая структура эмоциональных отношений сосуществует с теневой структурой, наполненной совершенно другими смыслами. Широко известно, что привязанность, которую публично выказывают друг другу супруги, часто сосуществует с приватной враждебностью. «Красный Коллектив» предположил, что существует большая разница между «внешними» и «внутренними» отношениями в паре. Мужчины-геи часто высказывают мысль, что враждебность, которую они испытывают по отношению к себе со стороны других мужчин, вызвана бессознательным желанием. Воспитание маленьких детей потенциально всегда вызывает высокий уровень любви и враждебности, причем с обеих сторон. Поскольку большая часть родительских забот лежит на женщинах, отношения с матерями с большой долей вероятности всегда будут весьма амбивалентными, на чем сделала акцент Нэнси Фрайди в работе «Моя мать / Мое Я» («My Mother / My Self»).

Существует так мало исследований, которые содержали бы информацию о глубинах психики и при этом – ощущение социального контекста, что рассуждать о том, как организована эта скрытая структура, трудно каким-либо иным образом, нежели в чисто спекулятивном ключе. Единственное, что нам доподлинно известно, – что структура катексиса в общих чертах может считаться многоуровневой, а наиболее важные отношения – амбивалентными. Старые клише о том, как легко любовь и ненависть превращаются друг в друга, и сила построенных на этом сюжетов вроде «Турандот» Пуччини становятся более понятными, если принять во внимание, что сексуальные практики в целом основаны на структурных отношениях, в которых уже присутствуют и любовь, и ненависть.

Нэнси Фрайди рассуждает еще об одном принципе организации. Она отмечает, что когда у девочек развивается желание, направленное на мужчину, то они думают больше о безопасности, чем о сексуальных отношениях. При обсуждении сексуальных отношений подростков часто говорят, что девочки стремятся к любви и близости, а мальчики – к сексу. Габриэль Кэри и Кэти Летте в работе «Пубертатный блюз» («Puberty Blues») добавляют, что в группах ровесников-подростков секс практикуется равно и для символических целей, и для

телесного удовольствия. Вероятно, так же происходит и у взрослых. Этот аргумент связан с замечаниями Герберта Маркузе в книге «Эрос и цивилизация» о развитии примата генитальности и деэротизации остального тела под влиянием принципа демонстративности (performance). Оказалось, что генитальная демонстративность (performance) и диффузная чувственность резко противопоставлены друг другу. В современной гегемонной гетеросексуальности эти формы эротики определяются как мужская и женская соответственно. Но подобное определение совсем не обязательно. В других культурах может быть иначе, о чем свидетельствует «Камасутра» Ватсьяяны. Ирония в том, что этот памятник манерной и праздной чувственности на Западе продается сейчас преимущественно в порномагазинах, где рекламируется стремительная эрекция и мощный оргазм.

В случае труда и власти структура *может быть* объектом воздействия практики, в случае катексиса она *обычно* находится под этим воздействием. Одна из удивительных особенностей сексуальности состоит в том, что сама структура может быть объектом желания (cathected). Например, как уже отмечалось выше, эротизировано само гендерное различие. Отсюда происходит гендерная наполненность нарциссизма – в той мере, в какой катексис, направленный на самого себя, фокусируется на диакритических знаках пола. Отсюда возникает еще более поразительный эротический замкнутый круг сексуального фетишизма, когда символические знаки социальных категорий (кружевные носовые платки, туфли на высоком каблуке, кожаные куртки) или структурные принципы (например, доминирование) отделяются от своего контекста и сами по себе становятся главными объектами возбуждения.

Этот вид практики может использоваться для получения выгоды или подавления, как это уже произошло в рекламной индустрии. Но возможна и другая практика, направленная на структуру, а именно попытка сделать паттерны привязанности более эгалитарными. Автобиографические описания этой практики, такие как книга, подготовленная «Красным Коллективом», или книга Ани Мойленбельт «Со стыдом покончено» («The Shame Is Over») о ее частной жизни, феминизме и голландских левых, говорят о трудностях больше, чем о потенциальных изменениях паттернов. Дэвид Фернбах, который в книге «Путь по спирали» («The Spiral Path») утверждает, что отношения геев эгалитарны по своей сущности, в силу своей транзитивной структуры (любовник моего любовника может также быть и моим любовником), более оптимистичен.

Замечание по поводу «системы» и композиции

Применение данного подхода к сложным (multiple) структурам несет в себе опасность нового редуционизма, приписывания каждой отдельной системе внутренней связности и полноты, в которых ранее отказывалось системе гендерных отношений в целом. Конечно, разделение на структуры бессмысленно, если оно не приводит к большей связности. Но важно иметь в виду, что ни одна из трех описанных структур не является и не может быть в принципе независимой от других. Структура катексиса в некоторых аспектах отражает неравенство во властных отношениях; разделение труда частично отражает модели катексиса и т. д. Ни одна из них не является конечной детерминантой, «порождающим ядром» (термин Анри Лефевра), от которого все остальные паттерны гендерных отношений были бы производными.

В то же время в этой сфере существует определенное единство, или упорядоченность, которые нуждаются в понимании. Нельзя сказать, что люди страдают под грузом социологического давления, бессистемно воздействующего на них со всех сторон. Нападение и избиение мужчины-гея на улицах Сиднея может произойти по той же схеме, что и на улицах Нью-Йорка. Существует определенная связь между разделением труда при уходе за детьми, психодинамикой женственности и возможностями освобождения женщин.

Моя идея, если ее сформулировать коротко, заключается в том, что это единство не является единством *системы*, как сочли бы функционалисты. Не является оно и единством внешнего выражения, обеспеченным наличием внутреннего порождающего ядра. Это единство исторической композиции всегда незаконченное и находящееся в состоянии становления. Я употребляю термин «композиция» в том же смысле, в каком им пользуются в музыке, понимая под ним осязаемый, активный и часто трудный процесс приведения элементов в связь друг с другом и тщательную разработку их взаимоотношений. Композиция

– это реальный исторический процесс взаимодействия и формирования социальных групп. Разница с музыкой заключается не в отсутствии композитора, а в том, что составных элементов огромное множество, и все они находятся внутри своей композиции, поскольку создаваемая мелодия есть их собственная жизнь. Результатом этого процесса является не логическое единство, а эмпирическая унификация. Она достигается при конкретных условиях, под воздействием конкретных обстоятельств. На уровне всего общества она производит гендерный порядок, который будет описан в следующей главе.

Идея «композиции» предполагает, что структура далеко не совершенна и что поле практики далеко не полностью управляется данной конкретной структурой. Короче говоря, уровень системности гендерных отношений может сильно колебаться. Процесс, который я назвала «эмпирической унификацией», может быть весьма мощным и достигать высокого уровня упорядоченности, как это, видимо, происходит в «ядре» структуры власти. Но даже когда это происходит, это не является следствием сущностной логики или логики категорий и никогда не оправдывает функционалистский анализ. Это результат стратегии формирования групп и социального взаимодействия в контексте исторического процесса.

Высокий уровень системности, скорее всего, будет отражать доминирование группы, чьи интересы обслуживаются данным гендерным порядком. К примеру, степень того, насколько жилищное строительство, финансы, образование и другие сферы жизни организованы вокруг модели гетеросексуального супружества, отражает доминирование гетеросексуальных интересов и подчинение гомосексуалов. Лучшим доказательством этого подчинения служит то, что сами гомосексуальные практики организованы в гетеросексуальных терминах (например, разделение партнеров в лесбийских парах на «butch» и «femme» – мужеподобных и женоподобных женщин). Поэтому главная задача освободительного движения геев состояла в том, чтобы оспорить этот способ организации гомосексуального опыта, как бы произвести его «десистематизацию» и «декомпозицию».

Исторически вполне возможна ситуация, когда уровень системности будет низок, а уровень рассогласованности и оспаривания данной композиции – высок. Возможна также комбинация структурированного конфликта интересов и наличия потенциала для «декомпозиции», которая может считаться кризисной тенденцией. Мы будем рассматривать эти вопросы в Главе 7.

Примечания

Структура и структурный анализ

(с. 128–137). Критика структурализма и П. Бурдьё опирается на несколько очерков из книги: Connell (1983). Рассматривая теорию «дуальности», мы продолжаем обсуждение, начатое в рамках семинара «Практика, Я и социальная структура», проведенного в 1985 году в университете Маквезри; в особенности хотелось бы поблагодарить участницу семинара Сью Киппакс (Sue Kippax). Работа Piaget (1971) хорошо проясняет логику структурализма. Гидденс отвергает определение структуры как «ограничения», но я считаю, что эту идею можно сформулировать так, что она обеспечит более простую и по крайней мере столь же сильную модель, как и модель Гидденса. Мое определение «структурных моделей» не имеет ничего общего с понятием «структурного моделирования», используемым в исследованиях бизнес-операций (см., например: Linstone et al., 1979, и другие тексты в одном из выпусков «Technological Forecasting and Social Change», где понятие структуры очень слабо определяется, а «моделирование» означает введение смутных идей в компьютер для того, чтобы они выглядели четкими).

Цитата из Young and Willmott (1962, p. 133).

Труд

(с. 137–147). Цитата из Cavendish (1982, p. 79). Работа Segal et al. (1979–1980) – редкий пример анализа последовательных усилий по

изменению системы заботы о детях в политизированной среде. Цитата из: Curthoys (1976, p. 3).

Власть

(с. 147–153). Это рассуждение основано на выводах, сделанных Льюксом (Lukes, 1974) относительно различных форм социальной власти. Американское исследование женских сфер власти (*women's fields of power*) см.: Du Buis et al. (1980). Цитата из: Moses (1978, p. 334).

Катексис

(с. 153–159). Цитаты из: Goldman (1972a, p. 145) и Freud (1923, p. 33).

Глава 6 Гендерные режимы и гендерный порядок

Институты

Теории гендера, практически без исключения, фокусируются либо на межличностных отношениях между людьми, либо на обществе в целом. Промежуточные уровни социальной организации, за исключением семьи, в них не анализируются. В то же время в каком-то смысле это самый важный для понимания уровень. Большая часть нашей повседневной жизни проходит скорее в сфере домохозяйства, на рабочем месте или в очереди на автобус, чем в «обществе в целом» или один на один с каким-то другим человеком. Практика гендерной политики зависит главным образом от институтов: от дискриминации при найме на работу в компаниях, от антисексистских школьных программ и т. п. Многие исследования, которые влияют на изменение взглядов на гендер, посвящены таким институтам, как рабочие места, рынки и медиа.

Когда социальные науки устанавливали связь между гендерной политикой и социальными институтами, то это достигалось в основном путем выбора какого-то конкретного института как носителя гендера и сексуальности. Этой чести обычно удостоивались семья и системы родства. Так, структура семьи являлась центральным элементом социологического анализа половых ролей начиная с Парсонса и Маргарет Мид. Обратной стороной этого выбора было то, что он позволял анализировать остальные институты таким образом, как будто гендер там вообще не играет никакой роли. В работах, одна за другой охватывавших классические темы социальной науки – такие как государство, экономическая политика, урбанизация, миграция, модернизация, – пол и гендер либо не упоминаются вообще, либо находятся на периферии.

Одним из наиболее важных следствий влияния современного феминизма на социальные науки стало убедительное доказательство несостоятельности такого подхода. Примером феминистской критики является работа Мюррей Гут и Элизабет Рид, продемонстрировавших смесь гендерной слепоты и патриархатных предрассудков в традиционной политологической литературе. Критические работы, направленные против подобного мейнстрима, покрывают множество тем, начиная с электоральной социологии через концепцию социального государства к классовому анализу, показывая, что гендерные отношения не только присутствуют в этих базовых институтах, но и являются их важным системным элементом.

Я не буду подробно останавливаться на деталях этих критических исследований, но воспроизведу их основной вывод, который в настоящее время считается уже общепринятым. Мы не можем понять место гендера в социальных процессах, просто очертив совокупность «гендерных институтов». Гендерные отношения присутствуют во всех типах институтов. Они могут быть не самой важной структурой в каждом конкретном случае, но, безусловно, в большинстве случаев они относятся к числу основных.

Состояние гендерных отношений в каждом данном институте представляет собой его «гендерный режим». Приведем пример, чтобы прояснить эту идею. В исследовательском проекте, в котором была проинтервьюирована Делия Принс (см. Главу 1), мы обнаружили активную, хотя и не всегда явно сформулированную гендерную политику в каждой школе. Как среди учащихся, так и среди преподавателей существуют практики, конструирующие

различные виды феминности и маскулинности: спорт, танцы, выбор предметов для изучения, дисциплина в классе, управление школой и др. Некоторые гендерные модели поведения оказались доминирующими, что особенно было заметно в среде учащихся, – чаще всего это была агрессивная гетеросексуальная маскулинность. Остальные модели носили подчиненный характер. Наблюдались явственное, хотя и не абсолютное гендеризованное разделение труда между преподавателями и гендеризованное различие во вкусах и досуговых видах деятельности среди учащихся. Существует определенная идеология, причем зачастую не единственная, которая предписывает человеку определенный тип гендерного поведения и определенный тип гендерного характера. Иногда возникают конфликты по поводу сексизма в школьных программах или по поводу карьерного роста членов преподавательского состава, по поводу их престижа и лидерства среди детей. Складывающийся в результате сочетания всех этих ситуаций паттерн может быть разным в разных школах, но только в рамках, отражающих баланс гендерной политики в австралийском обществе в целом. Ни одна из школ, например, не позволяет открытых гомосексуальных отношений.

Компактные формальные организации вроде школ, вероятно, имеют особенно очевидные гендерные режимы, но ими обладают и другие учреждения. Диффузные институты, такие как рынки, или большие и разветвленные институты, такие как государство, а также неформальные среды, такие как уличная компания ровесников, также гендерно структурированы и могут быть охарактеризованы через свои гендерные режимы. В этой главе я остановлюсь на трех случаях. Представленные здесь образцы анализа будут очень сжатыми, и каждый из них я считаю лишь началом исследования. Но я все же надеюсь, что их будет достаточно, чтобы понять некоторые аспекты институционализации гендера.

Семья

Консервативная идеология говорит о семье как об «основе общества», а традиционная социология часто считает ее простейшим из институтов, ячейкой более сложных структур. Я же полагаю, что семья отнюдь не основа общества, а один из его сложнейших продуктов. Ничего простого в ней нет. Внутренний мир семьи представляет собой совокупность многоуровневых отношений, накладывающихся друг на друга как геологические слои. Ни в одном другом институте отношения не являются столь протяженными во времени, столь интенсивными по степени контакта, столь плотными по переплетению экономики, эмоций, власти и сопротивления.

В теориях все это часто отсутствует, поскольку обычно они сосредотачиваются на стандартном нормативном случае. Выше достаточно было сказано о том, как опасно исходить из представления о норме, но стоит отметить, что даже те семьи, которые более или менее соответствуют стандартным представлениям, имеют сложную внутреннюю структуру. Мы уже описывали в Главе 1, какие подводные течения будоражили жизнь семьи Принс. Лилиан Рубин в своей книге «Миры боли» описала амбивалентность и сложность традиционных семей рабочего класса в Соединенных Штатах. Лэнг и Эстерсон в книге «Рассудок, безумие и семья», рассматривая такой острый материал, как шизофрения, показали, к какому невероятному клубку противоречий может привести в британских семьях стремление к респектабельной нормальности.

Таким образом, чтобы понять гендер и семью, необходимо показать внутреннее устройство семьи. Мы попробуем сделать это, опираясь на три структуры, выделенные мною в Главе 5.

Половое разделение труда в семьях и домохозяйствах описано в специальной литературе и считается общепризнанным фактом. Предметом этого разделения становятся и целые виды работ, и весьма мелкие операции. Например, в английской деревне, которую изучала Полин Хант, жены мыли внутреннюю сторону окна, а мужья – наружную. Это разделение труда не является абсолютным и со временем изменяется. Сейчас осталось меньше жен того типа, про которых в 1920-х годах говорили: «Ее муж был надежным человеком, но таким же, как и остальные мужчины, он уходил и оставлял ей делать все [т. е. растить детей и вести хозяйство] так, как она хотела».

Однако не все изменения связаны с уменьшением разделения труда между полами. В автобиографии одного сына пастуха отмечалось, что как старший из выживших детей

мальчик должен был «быть помощником матери, нянчить младенца, делать уборку в доме и шить, как девочка»; это было в Англии 1830-х. Сейчас осталось мало домохозяйств, которые бы до такой степени зависели от детского труда и, соответственно, давали мальчикам опыт проявления материнской заботы о младших. Изучение изменений в половом разделении труда в более поздние периоды, например исследование Майклом Гилдингом семей в Сиднее до 1940 года, позволило предположить, что основное перераспределение домашней работы произошло скорее между женщинами, нежели между женщинами и мужчинами.

Общепризнано также то, что современная городская семья/домохозяйство образуется через разделение труда, в соответствии с которым некоторые виды работ считаются домашними, неоплачиваемыми и обычно женскими, а другие виды считаются публичными, оплачиваемыми и обычно мужскими. Взаимоотношения между структурой производства внутри и вне семьи зависят от классовой принадлежности ее членов. В описанных Миррой Комаровски американских рабочих семьях эти взаимоотношения выстроены вокруг *заработка* мужа. В исследовании биографий американской буржуазии, проведенном примерно в то же самое время Робертом Уайтом, эти взаимоотношения выстроены вокруг *карьеры* мужа. Последний случай является важным уточнением нарисованной Делфи картины домашнего труда как формы присвоения его результатов мужем. Жена высококвалифицированного специалиста или бизнесмена может прекрасно максимизировать свой пожизненный доход, вложив силы в успешную карьеру мужа.

Большинство домохозяйств на значительном протяжении собственной истории имеют в своем составе детей, и это влияет на разделение труда двояким образом. Уход за детьми сам по себе является работой и к тому же существенно влияет на половое разделение труда в целом. Поскольку в богатых капиталистических странах бóльшая часть работы по уходу за маленькими детьми бесплатно осуществляется дома их матерью, это обстоятельство имеет решающее значение для домашнего разделения труда. Поэтому неудивительно, что недавнее исследование, проведенное Р.Э. Палом в Южной Англии, обнаружило наиболее четкое и консервативное разделение труда по полу именно в тех домохозяйствах, в состав которых входили дети до пяти лет. Второе наблюдение касалось того, о чем говорил уже процитированный выше сын пастуха: дети и сами работали как дома, так и в школе. Эта работа была также гендерно структурирована. Учитывая все вышесказанное, неудивительно и то, что исследование сиднейских подростков, проведенное У.Ф. Коннеллом и др., обнаружило: девочки занимаются домашней работой примерно в два раза чаще, чем мальчики.

Половое разделение труда отражает идеи о «месте женщины», но кто его определяет? Как отмечают Колин Белл и Ховард Ньюби, способ распределения работы в семье в какой-то мере является следствием той власти, с помощью которой мужья определяют положение своих жен. Здесь, по-видимому, затрагиваются базовые интересы, постоянные и сильные. Патриархатная модель, согласно которой молодые люди подчиняются старшим и женщины – мужчинам, вновь обнаруживает себя в многочисленных исследованиях семей в разных странах, равно как и идеология маскулинной власти, которая ее поддерживает.

Исследования структуры власти в семье обычно основываются на традиционном подходе к определению власти как влияния на принятие решений. Однако данные другого рода показывают, что этого подхода недостаточно. Так, работы по домашнему насилию показали, что во многих семьях важную роль играет физическая сила. Исследование *шизофрении*, проведенное Грегори Бэйтсоном, Р.Д. Лэнгом и др., указывает на жестокое эмоциональное давление, которое может оказываться на членов семьи без открытого командования или демонстрации силы. Эти случаи часто касаются власти матерей над своими детьми, но «запрет на бегство» в теории шизофрении Бэйтсона, основанной на понятии двойной связи (*double bind*), напоминает также и «факторы, мешающие женщинам разорвать отношения, связанные с насилием» и выявленные исследователями домашнего насилия. Семья может оказаться ловушкой во многих отношениях. И, наконец, сами сексуальные отношения в браке могут быть ареной применения власти. Эта тема подробно не изучалась, но данные, подобные изложенным в работе Лилиан Рубин, позволяют предположить, что в большинстве случаев инициативную роль в определении характера сексуальных практик играют мужья.

Если принять все это во внимание, становится понятным, почему такие критики брака, как Эмма Гольдман, считают, что «защита» женщин со стороны их мужей – просто фарс. Понятно также, что один из способов справиться с сильным дисбалансом власти состоит в том, чтобы к нему приспособиться. Поразительна в этом смысле книга Марабель Морган «Женщина до мозга костей» («The Total Woman»). *Это воспевание и полного подчинения, и любви к этому подчинению*, а также практическое пособие о том, как жить в этом подчинении. Примечательно, что ортодоксальные религиозные и правые политические взгляды автора имеют сильный эротический оттенок. Именно жена должна приятно возбуждать мужа, чтобы заставить его остаться дома:

Ради эксперимента я после ванны надела розовую пижаму с кружевами и белые ботиночки... Когда я в таком виде открыла дверь, чтобы поздороваться с Чарли, я совершенно оторопела от его реакции. Мой тихий, сдержанный, невозмутимый муж, как только посмотрел на меня, бросил свой портфель на пороге и начал гоняться за мной по комнате.

Власть мужей проявляется в семье, но, безусловно, она имеет не только семейные основания. Изучение размывания патриархатной власти под влиянием миграции, например исследование Джиллиан Боттомли, посвященное греческим семьям в Австралии, показало, что домашний патриархат зависит от поддержки со стороны ближайшего окружения. Но даже без такого решительного переворота в жизни семьи, как миграция, эта поддержка не всегда бывает последовательной или достаточной. Социологи, занимающиеся семьей, уже в 1950-х годах обнаруживали некоторое разделение власти между мужьями и женами. Как уже отмечалось в Главе 5, в некоторых семьях возобладал паттерн подорванного патриархата, когда муж пытается заявить о своей власти, но безуспешно: в реальности домохозяйство контролируется женой. В 1970-х годах под влиянием новых левых и феминизма супруги в некоторых семьях и домохозяйствах предпринимали попытки совместно демонтировать властные отношения. Это оказалось непросто, но к настоящему времени накопился определенный опыт эгалитарных отношений в домохозяйствах.

Белые ботиночки Марабель Морган – изящное свидетельство связи между домашней властью и катексисом. Из всех аспектов семейной жизни этот, вероятно, наиболее исследован, поскольку является основным предметом психоанализа. Теория эдипова комплекса служит зеркалом эмоционального интерьера семьи. Однако полученные за почти восемьдесят лет результаты психоанализа, которыми могла бы воспользоваться социальная теория, значительно более скромны, чем можно предположить исходя из объема материала. Частично это связано с тем, что публикации в психоаналитических журналах в основном ограничиваются вопросами терапии. Но в то же время это и результат влияния представлений о нормативном стандартном случае, которые лежали в основе собственных работ Фрейда, а затем большинства его последователей-психоаналитиков.

Когда психоаналитик пытается поставить под вопрос эту норму, получают удивительные результаты. Примечательный пример – изучение Энн Парсонс не-эдипова «нуклеарного комплекса» в Неаполе. На основании анализа культурных и психологических данных она выявила интересную модель семьи. В центре семьи находится мать, отец обладает лишь незначительной домашней властью, а отношения между матерью и сыном и отцом и дочерью выражены сильнее, чем идентификация с родителем своего пола. Это исследование проясняет важность отношений с родственником противоположного пола в формировании фемининности и маскулинности и предполагает своего рода разрыв в истории гендера, который заслуживает осмысления и в других контекстах. Свидетельства о сексуальном насилии и принуждении к сексуальным отношениям также указывают на большое значение отношений человека с родственником противоположного пола внутри семьи.

Теневая структура катексиса, о которой говорилось в Главе 5, в семье просматривается лучше, чем в любых других случаях, опять-таки из-за большого количества психоаналитических исследований. Филлис Чеслер в книге «О мужчинах» подчеркивает его значение, отмечая уровень враждебности между отцами и сыновьями, который сохраняется несмотря на то, что сыновья идентифицируют себя с ними. Она рассуждает в этом контексте о

связи этой враждебности с более общими моделями насилия в отношениях между мужчинами. Подавленные страх и ненависть – возможный, хотя, без сомнения, и не исчерпывающий способ объяснения того, почему столь многие мужчины привержены институтам насилия. Но это, безусловно, не объясняет того, как эти институты работают на макроуровне.

Очевидно, что выделенные нами структуры пересекаются на уровне семьи в нескольких точках. Зарплата и карьера влияют на домашнюю власть, домашняя власть влияет на разделение труда; Марабель Морган эротизирует бессилие. Сами идеи *домохозяйки* и *мужа* представляют собой слияние эмоциональных отношений, власти и разделения труда. Гендерный режим каждой конкретной семьи – это непрерывный синтез отношений, управляемых тремя этими структурами.

Такой синтез не беспроblemен: компоненты гендерного режима семьи могут противоречить друг другу. В традиционном патриархатном домохозяйстве четко определенное половое разделение труда на самом деле накладывает определенные противоречия на власть патриарха, поскольку женщины монополизируют определенную часть знаний и умений. Ванесса Малер описала значительный уровень психологической независимости женщин в марокканской культуре, где патриархатное доминирование велико, а разделение труда значительно. Значительный уровень разделения труда может породить такой высокий уровень сегрегации в повседневной жизни, что рутинное поддержание патриархатной власти оказывается затруднительным. Такой вывод, в частности, сделала Аннетт Гамильтон относительно обществ австралийских аборигенов.

Подобные противоречия означают наличие потенциала для изменения семьи как института, которое становится наиболее вероятным при заметном изменении контекста. Мы уже упоминали случай миграции. Другим мощным источником давления служит экспансия капиталистических рыночных отношений в некапиталистические системы. Это давление осуществляется не только в одном направлении. Исследование крестьянских домохозяйств в Мексике, проведенное Кейт Янг, показало, как происходит расщепление моделей семьи по мере развития классовой стратификации, причем гендерные режимы в результате изменяются в разных направлениях.

Государство

Теоретическая литература по поводу государства находится на другом полюсе по отношению к семье: почти никто не рассматривает его в контексте институционализации гендера. Даже в феминистской мысли государство только сейчас начинает анализироваться в теоретическом ключе.

Хотя для того, чтобы обратить на него внимание, причин достаточно. Государственные служащие, как уже отмечалось в Главе 1, разделены по половому признаку весьма очевидным, можно даже сказать, захватывающе очевидным образом. Государственные элиты, за очень небольшим исключением, представляют собой настоящий «мужской заповедник». Государство вооружает мужчин и разоружает женщин. Президент Картер, хотя и поддержал поправку о равных правах, все же объявил, что он не допустил бы женщин в боевые подразделения. Дипломатическая, колониальная и военная политика крупнейших государств сформировалась, как было отмечено в Главе 5, в контексте маскулинной идеологии, которая выдвигает на передний план жесткость и силу. Южнотихоокеанский регион в настоящее время предлагает хрестоматийную демонстрацию этого факта – со своими ядерными испытаниями на атолле Муруроа, обстрелом «Радужного воина» в Новой Зеландии в 1985 году и насильственным подавлением французскими колонистами борьбы местного населения (канаков) за независимость (Новая Каледония).

Государство проявляет в вопросах пола и гендера значительную идеологическую активность; эта разнообразнейшая активность включает в себя и контроль над рождаемостью в Индии и Китае, и новое введение чадры в Иране, и усилия советского политического режима увеличить число работающих женщин. Государства пытаются контролировать сексуальность: криминализируя гомосексуальность, законодательно устанавливая брачный возраст, юридически регулируя меры по предотвращению венерических заболеваний, СПИДа и т. п. Вторжение государства в половое разделение труда охватывает широкий спектр вопросов – от поддержки иммиграции до проведения политики равных возможностей.

Государство регулирует рабочие места и семьи, обеспечивает возможность учиться в школе, строит дома.

Если учесть все вышесказанное, то становится понятным, что государственный контроль служит важнейшим инструментом гендерной политики. Именно поэтому государство является важнейшим объектом стратегии. Начиная с конвенции 1848 года, принятой в Сенека-Фоллз, и заканчивая кампанией за поправку о равных правах (ERA) 1970-х, американский феминизм предъявлял свои требования государству и предпринимал попытки добиться гарантий доступа женщин к государственным институтам. Австралийский феминизм вложил много энергии в то, чтобы добиться присутствия женщин в государственной бюрократии, используя для этого «фемократов» и ресурсы системы социального обеспечения. Основная цель кампаний, подобных Кампании за равенство гомосексуалов в Великобритании (Campaign for Homosexual Equality), состояла в правовой реформе посредством лоббирования в среде парламентариев и бюрократов. В то же время в Америке осуществлялась попытка со стороны новых правых ослабить феминистские позиции посредством контроля над судами и законодательными органами.

Трудно отрицать тот факт, что государство глубоко интегрировано в гендерные отношения. Ален Турен отмечает, что государство, вопреки существующей в политической философии идеализации его роли, не выполняет функцию гаранта «социального порядка... скорее оно является агентом конкретной исторической общности, находящейся в определенных отношениях с другими общностями и со своими собственными историческими формами». Разумеется, это так, но «историческую общность» следует рассматривать не только в классовых, но и в гендерных терминах. Вопрос в том, как понять связи между ними.

В теоретической литературе можно найти четыре подхода к решению проблемы государства и его роли. Первый – это либеральный подход, согласно которому государство теоретически является нейтральным арбитром, но на практике может быть захвачено группами, преследующими свои специфические интересы, в данном случае мужчинами. Следовательно, институциональный сексизм государства порожден неполноценностью гражданства исключенной группы, т. е. женщин. Этим подходом объясняются многие направления деятельности либерального феминизма, направленные как на достижение равенства перед законом (суфражизм, поправка о равных правах, отстаивание принципа равных возможностей в сфере занятости), так и на удовлетворение конкретных нужд социального обеспечения. Но с его помощью невозможно объяснить ни половое разделение труда среди работников государственного аппарата, ни гендерную структуру государственного насилия. Институциональному сексизму противоречат также факты подавления государством определенных групп мужчин, в особенности гомосексуалов, и гораздо большая степень криминализации мужской сексуальности по сравнению с женской.

Зато эти аспекты объясняются с помощью второго подхода, который рассматривает государство главным образом как аппарат регуляции и мягкого доминирования. «Управление семьями» Жака Донзело и «История сексуальности» Мишеля Фуко представляют собой классические примеры этого подхода, который сейчас разделяют также некоторые теоретики движения за освобождение геев, например Джеффри Уикс. Они изображают государство как часть распределенного аппарата социального контроля, действующего через доминирующие дискурсы в той же мере, что и через прямое принуждение. Этот подход полезен в силу того, что он позволяет выйти за пределы представления о государстве как об организации и обратиться к тому, как оно действует и как оно связано с повседневной жизнью. Он позволяет также распознать множественность и зачастую противоречивый характер его отдельных структур. Но все же этот подход не позволяет до конца понять, почему государство до такой степени поглощено регуляцией, если только это не вызвано своего рода одержимостью. Фуко и Донзело не объясняют конституирования *интересов* в сфере гендерной политики.

Это в полной мере позволяет сделать третий подход. Он определяет государство как классовое образование, влияющее на пол и гендер в соответствии с определенными классовыми интересами. «Левые фрейдисты» от Вильгельма Райха до Герберта Маркузе интерпретировали действия государства именно в этих терминах, утверждая, что сексуальность либо подавляется, либо широко используется в интересах капитализма.

Марксистский феминизм в общем и целом рассматривал мотивацию государства в классовых терминах, а результаты его деятельности усматривал в укреплении подчинения женщин мужчинам. Обсуждение политики государства в области регулирования зарплаты, социального обеспечения и соответствующей государственной идеологии такими теоретиками, как Мэри Макинтош, способствовало привнесению в дискуссию политэкономического измерения. Но как показал анализ теорий внешних факторов, проделанный в Главе 3, в этих теориях остается непонятным, почему именно *гендерные* факторы так важны для воспроизводства капитализма или поддержания прибыли.

Четвертая группа теоретиков разрешает эту проблему в лоб, утверждая, что государство изначально является патриархатным институтом. Дэвид Фернбах считает, что государство исторически было создано как институционализация маскулинного насилия. Кэтрин Мак-Киннон рассматривает формы деятельности государства, в частности правовую *объективность*, как институционализацию мужской точки зрения и показывает, каким образом она влияет на гендерную политику при рассмотрении дел об изнасиловании. В предложенной Зиллой Айзенштейн модели двух систем централизованное государство предстает одновременно как агент гендерной политики и классовой политики, о чем говорит, например, поддержка Картером поправки о равных правах, которая имела особый тактический смысл в свете противоречий между разными группами американской элиты. Кэрл Пейтман считает, что само развитие либерального государства опиралось на новую форму патриархата, которая формировалась в гражданском обществе в XVIII и XIX веках.

Вместе взятые, эти подходы потенциально способны охватить весь спектр гендерных проблем. Но прежде чем их объединять, необходимо разрешить ряд трудностей или осложнений.

Если рассматривать государство как аппарат подавления, то совершенно очевидно, что главными объектами физического подавления служат мужчины. Это достаточно ясно показывает статистика арестов и тюремных заключений, приведенная в Главе 1. Бывают случаи, когда государственное насилие направлено главным образом на женщин, как это было во время европейской охоты на ведьм, достигшей своего пика в XVII веке, или массовых изнасилований, совершенных пакистанской армией в Бангладеш в 1971 году; но все же обычно наиболее регулярное использование государственной силы практикуется мужчинами против мужчин.

Однако это не означает, что государственное подавление не имеет никакого отношения к гендеру. Напротив, это весьма активный гендерный процесс – политика маскулинности. Государство не только институционализирует гегемонную маскулинность, но и направляет огромную энергию на то, чтобы ее контролировать. Объектами подавления (например, теми, кого квалифицируют как преступников) в основной своей массе являются молодые мужчины, которые сами вовлечены в практику насилия, причем их социальный портрет очень близок к портрету непосредственных агентов подавления – полицейских или солдат. В то же время государство не является цельным, однородным образованием. Военный аппарат и аппарат принуждения следует рассматривать в терминах взаимоотношений между видами маскулинности, а именно физической агрессии боевых подразделений или полиции, авторитарной маскулинности командиров, профессиональной рациональности техников, проектировщиков и ученых.

Внутренняя неоднородность государства, которая сейчас вполне признается классовой теорией, в той же степени важна и по отношению к гендеру. Реально существующие государства отнюдь не последовательны в своей трактовке гендерных вопросов. Так, политическое руководство Нового Южного Уэльса представило обширную программу равных возможностей, направленную преимущественно на поддержку женщин, но большинство местной бюрократии, возглавляемой, разумеется, мужчинами, молчаливо ей сопротивлялось. Современная политика в ряде западных стран состояла в том, чтобы передать большинство функций социальной поддержки от государства *местным сообществам*, т. е. практически превратить их в неоплачиваемую женскую работу. Однако в то же время расширилась система подготовки девочек для оплачиваемой профессиональной деятельности, предусматривающая более длительное обучение в школе и новые программы

профессиональной подготовки. В Австралии программы поддержки равных возможностей при трудоустройстве стали распространяться одновременно с урезанием фондов, поддерживающих систему детских садов, которая только и могла бы сделать эти программы эффективными. Постепенное расширение гражданских прав мужчин-гомосексуалов через декриминализацию гомосексуальности и принятие антидискриминационных законов вступает в противоречие с продолжающейся практикой недопущения их на работу в государственных учреждениях, а сейчас – и с официально поддерживаемой паникой по поводу СПИДа. Канадское государство столкнулось с серьезными трудностями в виде противоречия между сильными антидискриминационными статьями Хартии прав и свобод, которая вступила в действие в 1985 году, с одной стороны, и формальным исключением гомосексуалов из вооруженных сил и конной полиции, с другой. Случается, что патриархатное государство материально поддерживает феминизм, причем в довольно широком спектре вопросов – от создания кризисных центров для жертв изнасилования до подразделений по делам женщин в рамках государственного аппарата и предоставления грантов на феминистские научные исследования. Некоторые из этих мер говорят просто о непоследовательности, неизбежной для такого сложного образования, как государство. Но в ряде случаев имеют место подлинные противоречия.

Как можно встроить эти столь разные позиции в гендерный анализ государства? Предположим, что государство не является по своей природе патриархатом, но исторически конструируется как патриархат под воздействием политических процессов, результат которых является неопределенным. Центральным фактором здесь служит процесс бюрократизации, поскольку традиционная бюрократия тесно спаяна со структурой власти и разделением труда. Вместе с избирательным приемом на работу и продвижением по службе эти структуры формируют интегральный механизм гендерных отношений, приводящий к лишению женщин властных позиций и подчиненному положению тех сфер занятости, в которых сконцентрировано большинство женщин. Но традиционная бюрократия сама находится под давлением, что видно из современных руководств по «ликвидации поломок» в механизмах управления. Бывает, что требования большей эффективности, децентрализации и даже большей демократичности выводят из строя некоторые части этого механизма. Феминистки нашли себе место в государстве – главным образом там, где пересекаются гендерная политика и организационные реформы.

Власть в государстве – это стратегический ресурс, потому что ее задачи гораздо обширнее, нежели просто распределение благ. Государство играет конститутивную роль в формировании и изменении социальных паттернов. Например, государство на поверхностном уровне поддерживает браки через систему налоговых стимулов, обеспечение жильем и т. п. На более фундаментальном уровне брак сам по себе является правовым действием и правовыми отношениями, которые определяются, регулируются и в какой-то степени навязываются государством. Другим примечательным полем государственной деятельности является фертильность. Пронаталистская и антинаталистская политики служат предметом обсуждения, и в зависимости от исхода обсуждений контрацептивы распространяются или запрещаются. Насколько в самом деле успешной бывает государственная политика контроля над этим аспектом женской телесности, само по себе спорный вопрос, но с античных времен до современности в этом направлении предпринимаются весьма интенсивные шаги.

Управляя такими институтами и отношениями, как брак и материнство, государство выходит за пределы их простого регулирования. Оно играет огромную роль в конституировании самих социальных категорий гендерного порядка. Создаются такие категории, как «мужья», «жены», «матери», «гомосексуалисты», каждая из которых представляет собой группу с определенными характеристиками и отношениями. С их помощью государство играет свою роль в конституировании интересов в области гендерной политики. Они, в свою очередь, реагируют на государство посредством политической мобилизации. Классическим примером государственного подавления и регулирования сексуальности служит та роль, которую государство сыграло в создании *гомосексуалистов* как социальной категории и индивидуальной идентичности. Это, в свою очередь, стало основой

для политического движения за гражданские права геев. Подобного рода циклы очень распространены.

Таким образом, патриархатное государство можно рассматривать не как проявление сущности патриархата, но как центр определенного комплекса властных отношений и их политических процессов, в котором патриархат как создается, так и оспаривается. Если такое представление считать обоснованным, то для понимания места государства и его влияния на гендерную политику исключительно важно проследить его историческую траекторию. Я закончу обсуждение этой темы, выдвинув некоторые гипотезы по поводу этой траектории.

Развитие современного государства, как предполагает Пейтман, зависит от изменения моделей гендерных отношений. Ключевую роль здесь играет изменение моделей маскулинности. Основанная на традиции патриархатная власть, проявления которой в публичной политике критиковали либеральные рационалисты, такие как Локк, представляла собой господство определенного типа маскулинности, проявлявшееся и в домашней сфере. В течение того периода, когда формировались современное государство и индустриальная экономика, гегемония этой формы маскулинности была оспорена и вытеснена другими формами маскулинности, ориентированными на техническую рациональность и математические методы. Система промышленного капитализма создавалась за счет этого сдвига в той мере, в какой на этот процесс влияло развитие классов; то же самое относится и к форме государственной бюрократии, о которой мы говорили выше.

Это не означало исчезновения других форм маскулинности. На самом деле они были просто маргинализированы, и это послужило основой для появления новых типов маскулинности, которые были основаны на импульсах или практиках, исключенных из становившегося все более рационализированным и интегрированным мира бизнеса и бюрократии. Такие «дикие» формы маскулинности возникли в XIX–XX веках. С одной стороны, запрещенное сексуальное влечение мужчины к мужчине послужило базисом для гомосексуальной маскулинности, заклеянной и стигматизированной государством. С другой стороны, запрещенное насилие в отношениях между мужчинами послужило базисом для типов агрессивной маскулинности, которые в условиях, сложившихся после Первой мировой войны, были мобилизованы фашизмом. Хорошо известно, какую важную роль играли в фашистских движениях солдаты, сражавшиеся на передовой. Менее известно, но столь же важно презрение Гитлера к «дипломированным господам», которые правили презираемым им буржуазным миром.

Положение женщин также изменялось в процессе рационализации. С течением времени углублялись противоречия между их подчинением отдельному мужчине в сфере домашнего патриархата и развернувшейся в XVIII и XIX веках мощной тенденцией универсализации гражданских прав, тесно связанной с рационализацией государства и рынков. Это противоречие нашло отражение в феминистских трудах Мэри Уолстонкрафт в Англии и Сьюзен Б. Энтони в Соединенных Штатах, а наиболее точно было выражено в работах Джона Стюарта Милля. Первые кампании за избирательные права женщин не были уходом в сторону от *социальных вопросов* (хотя позже они и привели к их игнорированию); они были реакцией на главное противоречие, возникшее на той стадии развития государства.

Достижение женщинами гражданских прав оказало колоссальное влияние на политику, хотя и не изменило политику партийную. Женские организации играли важную роль в составе некоторых консервативных партий, но женские партии как таковые не были сколько-нибудь влиятельными. В значительно большей степени женщины были превращены (*constituted*) в прямых потребителей государственных услуг. На протяжении XX столетия возникла сложная сеть услуг и пособий, которые выросли вокруг пенсий вдовам и пособий по беременности – первых видов специализированной помощи женщинам. Сюда входят детские поликлиники, женские поликлиники, льготы для матерей, налоговые послабления и т. д. Как хорошо известно, женщины сейчас являются главными потребителями услуг социальной сферы *in toto* (в целом) – отчасти потому, что они дольше живут, но также и потому, что предлагаемые государством виды поддержки созданы по принципу замещения зарплаты их мужей, который основывается на исключении женщин из рынка труда. Керрин Райгер отмечает, что такая направленность развития системы социального обеспечения создает базу для вмешательства

в домашние хозяйства специалистов разного профиля: врачей, медсестер, психологов, социальных работников, – а они влияют на характер выполняемой женщинами домашней работы. Шейла Шейвер пишет: когда социальное обеспечение и налоговая политика рассматриваются вместе как система трансферов, т. е. безвозмездных социальных выплат, государство фактически изымает деньги у женщин как индивидуумов и перераспределяет их женщинам, определяемым как чьи-то матери, жены или вдовы. Сведя все эти аргументы воедино, мы можем увидеть, что в XX веке постоянно возрастало вмешательство государства во все более опосредованные и абстрактные отношения между мужчинами и женщинами. Существует большой соблазн связать это с возрастанием опосредованности и отчужденности в сфере сексуальности, с коммерческой стандартизацией рекламы, порнографии и массовых развлечений.

Улица

Улица редко воспринимается как институт. Это некое место, где мы гуляем или ездим, либо место, где гуляют куры. В то же время один знаменитый социологический текст называется – с легчайшим оттенком иронии – «Уличное общество» («Street Corner Society»), и мы говорим о том, чему детей «учит улица». Это по меньшей мере определенное социальное окружение со своими специфическими социальными отношениями.

Очень многие виды работ выполняются на улице. Те из них, которые связаны с детьми, например прогуливание их в колясках, выполняют почти исключительно женщины. Это же относится к хождению по магазинам и основной армии проституции. В продаже газет, пищи и других мелочей участвуют люди разного пола. Вождение машин, грузовиков и автобусов, мелкая преступность и полиция, ремонт моторов и самой улицы – по большей части мужские занятия. Хотя среди водителей автобусов все чаще встречаются женщины, вождение тяжелых грузовиков по-прежнему остается мужской специальностью.

Для женщин улица часто служит источником страха: здесь они могут встретиться с разными проблемами – от обычного приставания, вроде свиста вслед, до физического оскорбления и изнасилования. Поскольку не всегда можно предсказать, как будут разворачиваться события, во многие части города женщины ходят редко, особенно после наступления темноты. И в это время улица принадлежит мужчинам. Скопление молодых мужчин представляется наиболее устрашающим и опасным.

Такие скопления особенно распространены в местах, где выше безработица и сопутствующее ей этническое исключение (exclusion): Брикстон в Лондоне, Редферн в Сиднее, Саут-Сайд в Чикаго. Сочетание дерзости, болтовни о спорте и машинах, наркотических средств (по большей части – алкоголя) и сексизма обеспечивает хоть какое-то развлечение в этом унылом окружении. Женщины обычно их избегают, но поскольку «женских» улиц не существует и мало общественных мест (public buildings), где женщины привечаются, единственной возможной альтернативой остается собственный дом. Так дом становится «местом женщины»... В дальних предместьях этот эффект не столь силен, но определенный уровень угрозы существует всегда.

Молодые мужчины, будучи источником этой угрозы, сами тоже являются ее объектом. Улица – постоянная арена то вспыхивающих, то угасающих конфликтов между разными группировками (медиа называют их бандами – gangs), а также между бандами и полицией. На самом деле основными жертвами уличного насилия становятся именно молодые мужчины, а не люди старшего возраста, хотя последние живут в постоянном страхе. Полиция в уличной жизни играет роль Великой Силы, хотя в некоторых случаях, как было, например, во время мятежа, возглавленного Уоттсом (Watts) в августе 1965 года в Лос-Анджелесе, она может исчезнуть в качестве носителя власти. Резервные силы государства достаточно велики, чтобы «восстановить порядок» военными средствами, если политическое руководство готово за это заплатить, как произошло в Белфасте.

В каких-то отношениях улица – это поле битвы; в других это театр. В торговом центре города улица наполнена рекламными образами: витринами, рекламными щитами, постерами. Их содержание сильно нагружено гендеризованными образами, а в последние десятилетия становится все более эротизированным. Некоторые из них, неприкрыто использующие мотив мужского насилия (например, на одном лондонском постере 1984 года была изображена

машина, вылетающая из дула пистолета, а сопроводительный текст гласил: «Спусковой крючок под твоей правой ногой»), были убраны с улицы. Но плакаты, рекламирующие сигареты и пиво, продолжают демонстрировать трюки такого рода.

Человеческий поток также полон образов, хотя и более разнообразных. Люди рассказывают о самих себе с помощью одежды, украшений, поз, движений, разговоров. Улица – один из величайших театров сексуальности и стилей мужественности и женственности. Очередь на автобусной остановке или толпа у прилавков демонстрирует великое разнообразие стилей и манер. Среди них есть яркие и вызывающие, а есть неряшливые или небрежные. Эти стили меняются в зависимости от времени суток или дня недели – по мере того, как меняются прохожие: рабочие, спешащие заступить на смену; бизнесмены, которые ездят на работу с пересадкой; матери, спешащие по магазинам; подростки, возвращающиеся из школы; парни, прогуливающиеся поздним вечером.

Таким образом, улица как социальная среда демонстрирует те же самые гендерные отношения, что семья и государство. На ней присутствуют разделение труда, структура власти и структура катексиса. Так же как и в других сферах жизни, внутренние, присущие улице паттерны взаимодействия связаны с внешней структурой гендерных отношений. По наблюдениям Эммы Гольдман, женщины, работающие на улице в качестве проституток, делают это не для своего удовольствия: они оказываются там потому, что зарплаты женщин в целом низкие. «Оппортунистическое подчинение» (как выразилась Джен Моррис) патриархату может быть неизбежным, принимая во внимание, что люди располагают разными ресурсами. Геи редко демонстрируют свои отношения на улице – за исключением строго определенных мест, потому что для них это может быть очень опасно.

В то же время у такой слабо структурированной среды, как улица, есть своя специфика, которая отличает ее от таких организованных институтов, как семья и государство. Она обеспечивает пространство не только для разнообразия стилей, но и для стремительной их смены. Театр улицы может быть экспериментальным. Недавним примером тому служат молодые женщины, демонстрирующие агрессивный стиль сексуальности, который связан с панк-модой, где преобладают кожа и черный цвет. Так происходят своего рода переговоры по поводу новых форм гендерных отношений. Наблюдаются даже попытки обратить формы жизни на улице в сознательную политическую практику – с помощью феминистского уличного театра или таких мероприятий, как гейский Марди-Гра (Mardi Gras) в Сиднее^[16]. Я подозреваю, правда, что доминирование автомобилей не позволит улице превратиться в фестиваль. Но все же она остается невероятно интересным отражением гендерной политики.

Гендерный порядок

Проделанный выше анализ различных социальных институтов показал важность контекста, в особенности контекста, создаваемого за счет воздействия других институтов. Следовательно, чтобы составить полный инвентарь структур, необходимо перейти от сопоставления гендерных режимов к рассмотрению отношений между ними.

В некоторых случаях это отношения взаимодополнительности, или комплементарности. Хорошо известный пример – паттерны, на которых основана занятость женщин в течение неполного рабочего дня. Традиционное разделение труда в городских семьях рабочего класса на Западе предполагает, что большая часть ухода за детьми и домашней работы ложится на жену-и-мать, и женственность конструируется таким образом, что забота о других членах семьи считается женской. Рынок труда определяется нуждами капиталистической промышленности, а государство предлагает низкооплачиваемые, низкостатусные рабочие места с неполной занятостью, и странным образом их занимают в основном замужние женщины. Этот паттерн найма работодатели обосновывают тем, что исключительно замужние женщины хотят работать неполный рабочий день, потому что на них лежат домашние обязанности и они не нуждаются в высокой зарплате – ведь их зарплата в домохозяйстве лишь «вторая» (второстепенная). А мужья гораздо большую домашнюю нагрузку женщин обосновывают тем, что их жены могут найти работу только с неполным рабочим днем.

Соответствие этих обоснований полное и, разумеется, не случайное. Этот паттерн сложился именно в 1970 – 1980-х годах, и в контексте снижения производства он представляет собой практическую аккомодацию двух институтов. Соответствие структур

обусловлено соответствием стратегий: стратегий работодателей по максимизации прибыли на вялом рынке труда и стратегий наемных работников в сфере домашнего труда (как называет их Пал).

Если бы это соответствие было нормальным, мы имели бы очень плотно интегрированную систему, как предполагает категориальный подход. Но гендерные режимы взаимодействующих институтов редко бывают столь гармоничны. Я не знаю более сильного примера, чем «Голосование кровью» («The Blood Vote») – знаменитое стихотворение и постер, использовавшиеся в Австралии во время Первой мировой войны, в ходе кампании против призыва на военную службу. Приведем две строфы из этого стихотворения:

Почему твое, мама, лицо так бело?

Почему тебе трудно дышать?

Сынок, мне приснился один человек...

Я послала его умирать.

Я слышу рыдания его вдовы,

Горький плач детей об отце.

Мне никогда теперь не забыть.

Кровь на мертвом его лице.

Перевод И. Тартаковской

Драматизируемый в стихотворении конфликт между эмоциональными связями в семье и нуждами государства, участвующего в войне, – общая тема пацифистских кампаний, включая современную кампанию против ядерного оружия. Хорошо известный плакат гласит: «Что нужно делать в случае ядерной войны? – Поцеловать своих детей на прощанье».

Более сложный паттерн трений между разными институтами связан с пересмотром государственной политики социального обеспечения. Существует имеющий долгую историю конфликт между идеей перераспределения, лежащей в основе политики социального обеспечения, и целью стабилизации, лежащей в основе механизма подавления и идеологического контроля. Когда-то внутренняя для государства, классическая проблема управления, говоря языком Юргена Хабермаса, вышла наружу в результате рецессии и приняла форму конфликта по поводу взаимоотношений между государством, семьей и рынком труда. Консерватизм системы социального обеспечения во время послевоенного бума, основанного на всеобщей занятости, позволял разрешать классовые и гендерные напряжения с помощью постепенного расширения социальной поддержки. Но государство никогда не воспринималось как вечный благодетель. Новые правые обратились к последовательной политике урезания социального обеспечения, укрепления дисциплины на рынке труда и отдельных прямых репрессий.

В условиях феминизации бедности урезание социального обеспечения усугубило экономически неблагоприятное положение женщин, в то время как армии и полиции эти урезания не вредят, и они остаются надежным щитом мужчин. Изменение баланса возможностей для разных гендерных групп, вероятно, отразилось на результатах опросов общественного мнения, проводившихся в Соединенных Штатах в ходе президентской выборной кампании 1980 года: они показали гораздо большую поддержку Рейгана мужчинами, чем женщинами. Но прямой корреляции между гендерной политикой и голосованием нет. Одно из первых правительств, которое стало использовать риторику новых правых, – правительство Фрейзера, пришедшее к власти в Австралии в 1975 году. Оно было избрано при значительно большей поддержке женщин, чем мужчин, и даже в 1983-м, когда

оно проиграло выборы, женщины поддерживали консервативные партии намного дольше, чем мужчины.

Третий паттерн связей между институтами таков: они могут функционировать, если можно так выразиться, параллельно, придерживаясь общей стратегии или находясь в русле одного движения. Например, кампании в поддержку поправки о равных возможностях в сфере занятости проводились то одной, то другой организацией, что отражало попытки соответствовать политическому моменту и использовать опыт одной какой-то кампании для успешного продвижения других. Приведем пример связи между институтами на другом уровне. Камин-аут (coming out) гея должен осуществляться в целом ряде ситуаций: на рабочем месте, в семье, среди друзей. Как отметила Уэнди Кларк (Wendy Clark), эмоциональные паттерны в разных ситуациях будут различными: например, сообщение о своей сексуальной ориентации родителям будет отличаться от камин-аута в других средах. Но общая логика этого процесса все-таки связывает разные институты между собой.

Все три вышеописанных модели, или паттерна, объединяет политический фактор – социальная борьба, выражающаяся в терминах условий взаимодействия между институтами. Особенно напряженным является взаимодействие между государством и семьей. Оно породило самые разные политические программы, спектр которых простирается от желания Александры Коллонтай использовать советское революционное государство для разрушения патриархальной семьи до стратегии Ватикана, использующего свое влияние на итальянское и ирландское государства для ее укрепления. Более широкие программы, которые мы здесь видим, являются признаками формирования столь широких интересов, что они не могут быть поняты в результате анализа одного только института. Так мы подошли ко второму важному шагу в конституировании гендерного порядка.

Главное здесь то, что группы, являющиеся основными акторами гендерной политики (если рассматривать этот процесс в целом), конструируются исторически. Наверное, это странно звучит относительно таких категорий, как «женщины» и «мужчины». Но данное представление обретает смысл, если мы дадим более конкретное определение самому понятию «конструирование». Смысл этого понятия – в придании социальной категории конкретного содержания, в установлении конкретных противопоставлений и дистанций между данной категорией и другими социальными категориями, а также в формировании интереса, вокруг которого могут быть организованы идентичность и действие. Напомним наши рассуждения, приведенные в Главе 4: биологические категории женского и мужского детерминируют весьма ограниченный набор практик (вынашивание ребенка, кормление грудью и т. п.), которые определяют исполнителей этих практик как участников определенного набора параллельных ситуаций (если употребить технический термин Сартра – «серий»). Группы, являющиеся акторами гендерной политики, конструируются с помощью действий, которые отрицают серийность и образуют коллективные практики. Такие действия являются необходимо социальными и историческими. Это звучит очень абстрактно, но конкретные примеры, подтверждающие эти рассуждения, уже анализировались. Категории «существо мужского пола» и «существо женского пола» не являются категориями социальной жизни и гендерной политики; таковыми являются категории «мужчины» и «женщины»^[17]. Эти пары категорий пересекаются, но вторая из них имеет гораздо более широкий смысл и сложную детерминацию, чем первая. Категория «мужчина», например, всегда имеет конкретное культурное содержание в данное время и в данном месте. Ее значение в контексте социального действия будет различным на острове Бали 1980-х, в Лондоне тех же 1980-х и в Лондоне 1680-х годов. Одно из ключевых различий между этими датами состоит в исключении гомосексуальных практик из общепринятых представлений о маскулинности. Создание социальной категории «гомосексуалисты» уже несколько раз упоминалось, менее заметным осталось одновременное создание категории «гетеросексуалы». Поскольку гетеросексуальность имеет смысл только при наличии гендерной оппозиции, это предполагает существование двух категорий – гетеросексуальных мужчин и гетеросексуальных женщин. Их полярность вновь стала основной осью гендерных отношений в XX столетии.

Конструирование социальной категории – не то же самое, что формирование социального интереса. «Близнецы», например, – хорошо известная категория, но довольно сложно найти

такие интересы, которые объединяли бы всех близнецов. Интерес определяется желанием каких-то выгод или, наоборот, боязнью потерь в какой-то коллективной практике. Группы, участвующие в гендерной политике, формируются как группы интересов в результате столкновения с фактами неравенства и угнетения. Их интересы артикулируются с помощью процессов мобилизации, которые определяют коллективные цели и стратегии. При этом интересы бывают артикулированы не всегда. К примеру, в книге Дэвида Лейна и Фелисити О'Делл «Советские промышленные рабочие» ясно показано, что для женщин-рабочих в Советском Союзе политическая мобилизация в качестве особой группы была невозможна вне партии и профсоюзов, контролировавшихся мужчинами, хотя неравное социальное и экономическое положение женщин обеспечивало достаточное количество мотивов для коллективных действий.

Интересы могут формироваться на самых разных основаниях, которые иногда пересекаются между собой. Так, например, брак и родство включают в себя коллективные практики, в которых одна семья может получать преимущество перед другой семьей, и люди вполне могут воспринимать их в качестве главных выразителей своих интересов. С другой стороны, «мужчины» и «женщины» – это общности более распространенного типа; конфликтность их интересов выражается в неравенстве доходов, власти и в других уже описанных аспектах.

Обе эти пересекающиеся группы интересов реальны, и обе могут послужить базисом весьма активной политики. Феминизм представляет собой мобилизацию на базе второго из этих оснований. Мобилизация на основании первого описана Пьером Бурдые на примере племени кабиллов (Kabyle) в Алжире, где системы родства используются для достижения каких-то преимуществ как посредством заключения браков, так и посредством сделок по поводу передачи земли. В социальной теории прослеживается тенденция: ориентироваться лишь на одно основание интересов, остальные же считать второстепенными. Так, Бурдые исходит из того, что интересы женщин племени кабиллов неотличимы от интересов мужчин из их родов. А Кристин Делфи, напротив, игнорирует тот факт, что жены мужчин, принадлежащих к правящему классу, материально заинтересованы в их карьере, и уподобляет их положению положению жен крестьян и рабочих. Но это не такой вопрос, который можно решать путем постулирования. Способ определения формирующихся в данное время и в данном месте интересов – это эмпирический вопрос. На самом деле значительная доля гендерной политики направлена именно на то, чтобы попытаться сделать скрытые интересы явными на практике.

Интересы определяются существующими неравенствами прямо и непосредственно, но иногда их определение требует длительного времени. Гендерные отношения имеют исторический характер, они могут менять свои паттерны, и эти новые паттерны будут выгодны или невыгодны конкретным группам. Поэтому возможна заинтересованность в исторической трансформации. Книга Барбары Эренрайх «Сердца мужчин» является примечательной попыткой определить интересы, которые преследовали гетеросексуальные мужчины в стремлении изменить модели сексуальности и семьи в послевоенном североамериканском обществе. Это не так просто сделать, поскольку публичная артикуляция вопросов сексуальности отражает эти интересы только в косвенном и цензурированном виде. Но ясно, что паттерн таких интересов может быть обнаружен.

Конфликт интересов в масштабах всего общества, формирование и исчезновение гендерных категорий и упорядочивание отношений между институтами – все это, вместе взятое, составляет гендерную макрополитику. Аналитически она отличается от тех межличностных взаимодействий, которые *обычно* подразумевают под «гендерной политикой», хотя и самым тесным образом с ними связана. «Гендерный порядок», самое общее определение которого дано в конце Главы 5, динамически может быть определен как текущее состояние дел в этой макрополитике.

Охватываемые им процессы включают в себя создание и оспаривание гегемонии в определении форм сексуальности и характера полов (см. Главу 8), а также артикуляцию интересов и организацию вокруг них политических сил (см. Главу 12). На карту ставятся институциональные ресурсы, связанные с гендерными отношениями, такие как

государственная власть (о чем говорилось ранее в этой главе), культурные определения гендера (см. Главу 11) и вытекающее из них обоим определение исторических возможностей в сфере гендерных отношений. Историческая динамика этой макрополитики представляет собой ключевой пункт в социальном анализе гендера и одновременно наиболее трудно уловимый предмет. Предварительный подход к ее рассмотрению будет предложен в следующей главе.

Замечание по поводу определения и институционализации гендера

На уровне здравого смысла гендер выглядит свойством отдельного человека. Даже когда отрицается биологический детерминизм, гендер может рассматриваться как социально сформировавшийся характер отдельного человека. Большим шагом вперед стало признание того, что гендер – свойство, присущее еще и общностям, институтам и историческим процессам. Этот шаг необходим в свете только что подробно рассмотренных нами данных и опыта. Существуют невероятно важные гендерные феномены, которые не могут быть поняты как свойства индивидуумов, хотя они в значительной мере включают в себя эти свойства. Возможно, полезно будет прояснить их точный смысл, который позволяет нам говорить о гендере как о свойстве общностей и о гендерном структурировании социальных практик.

В Главе 4 утверждается, что гендерные социальные отношения не определяются биологическими различиями, хотя и связаны с ними; здесь имеет место практическая задействованность (engagement) биологических отношений в социальных, а не редукция социальных отношений к биологическим. Именно эта задействованность определяет гендер на социальном уровне, отделяя гендерно структурированные практики от других практик. «Гендер» означает практику, организованную в терминах разделения людей по репродуктивному признаку на людей мужского и женского пола. Необходимо сразу пояснить, что это не означает всеобъемлющей социальной дихотомии. Гендерная практика может быть организована в терминах хоть трех, хоть двадцати социальных категорий. В самом деле, наше общество признает наличие большого разнообразия таких категорий: девочки, старики, лесбиянки, мужья и т. д. Необходимо также пояснить, почему дихотомическое разделение на женщин и мужчин с большой степенью вероятности служит важной частью любого гендерного порядка.

Гендер выступает связующим понятием. Оно относится к связи между негендеризованными полями социальной практики, с одной стороны, и ключевыми практиками деторождения и родительства, с другой. Это определение оставляет полностью открытыми вопросы о том, насколько обширными и плотными являются эти связи и какова их социальная геометрия. В одних местах и в одно время эти связи более обширны и обязательны, и там (воспользуемся другой метафорой) бóльшая площадь социального ландшафта покрыта гендерными отношениями; в других же местах и в другое время эти связи слабее. Это основная причина того, почему предложенное Гейл Рубин понятие «система пол/гендер» не может быть применимо ко всем обществам.

Гендер, согласно такому пониманию, скорее представляет собой процесс, нежели вещь. Наш язык, особенно его общие категории, способствует реификации. Однако нужно осознавать, что «связующее понятие» относится к установлению связей, это процесс организации социальной жизни определенным образом. Если бы мы могли использовать слово «гендер» как глагол (я гендерую, ты гендеруешь, она гендерует – I gender, you gender, she genders...), это бы облегчило наше понимание. Марксистская феминистская литература конца 1970-х годов, пользуясь не очень удобным термином «гендеризованная субъектность» («gendered subjectivity»), двигалась в этом направлении, а уже дискуссии о «гендеризованном языке» («gendered language») привели к пониманию специфики гендера как процесса. *Процесс* здесь понимается как исключительно социальный, и гендер является феноменом, целиком принадлежащим к сфере социального. Он имеет свой вес и свою плотность, покоящиеся на совершенно ином базисе, чем биологические процессы, и это именно те вес и плотность, которые социология пытается передать, прибегая к понятию института.

Классическое понятие института означает обычай, общепринятую практику и повторяемость. Энтони Гидденс в книге «Конституирование общества» («The Constitution of

Society») следует этой логике, определяя институты как общественные практики, имеющие «широчайшее распространение в пространстве и времени», или как «наиболее устойчивые черты социальной жизни». Но практика не имеет той временной протяженности, которую Гидденс приписывает институтам; практика – достояние момента. Устойчивыми являются организация или структура практики; ее воздействие на последующие практики. Она может либо изменить, либо воспроизвести исходную ситуацию; это означает, что практика может быть дивергентной или цикличной. Как показано в Главе 3, социальное воспроизводство происходит не по требованиям логики; это просто один из возможных эмпирических результатов. Но он очень важен, а цикличная практика, которая его порождает, является как раз тем, что понимается под *институтом*. Следовательно, процесс *институционализации* представляет собой создание условий, которые делают возможным воспроизводство циклических практик.

Говоря о *цикле*, я подразумеваю нечто альтернативное представлению о континууме практики, т. е. идею о том, что структура обеспечивает одинаковость практики. Эта мысль в скрытой форме содержится у Гидденса, а в явной форме – в предложенном Адриенн Рич понятии лесбийского континуума как трансисторической реальности. Структура может включать в себя противоположные циклы. Особенно наглядным примером этого может служить психоаналитическое исследование не-эдипова *нуклеарного комплекса*, проведенное Энн Парсонс в Неаполе. Исследование показало, как определенный паттерн маскулинности социально воспроизводится через отношения с матерью, а фемининности – через отношения с отцом. Противоположности могут также существовать и на коллективном уровне. В обсуждении власти в начале этой главы приводились примеры ситуаций, когда локальный паттерн власти выбивался из более глобального порядка, например ситуации, когда женщины являются главами домохозяйств. Это подрывает не представление о властной структуре как таковой, а только представление о том, что структура должна быть гомогенной.

Сведя эти аргументы воедино, мы можем сказать: гендер институционализирован в той мере, в какой сеть связей с системой воспроизводства формируется циклическими практиками. Он стабилен в той мере, в какой группы, составляющие эту сеть, сохраняют заинтересованность в циклической, а не дивергентной практике.

Примечания

Институты

(с. 163–165). Хорошую критику гендерной слепоты, свойственной традиционным (*mainstream*) социальным наукам, см.: Goot and Reid (1975), Wilson (1977) и West (1978). Анализ гендерных режимов в школах основывается на: Kessler et al. (1985).

Семья

(с. 165–171). Высказывания об английских семьях взяты из: Davies (1977, p. 62) и Burnett (1982, p. 72); о понимании эротизма жителями Флориды см.: Morgan (1975, p. 94).

Государство

(с. 171–180). О феминизме и бюрократии см.: Eisenstein (1985) и Pringle (1979). Высказывание А. Турена цитируется по: Touraine (1981, p. 108). Анализ отношений между разными типами маскулинности в армии проведен в: Connell (1985a). О социальных представлениях Гитлера см.: Bullock (1962).

Улица

(с. 180–183). Этот раздел большей частью основан на наблюдениях, сделанных в Брикстоне (1984).

Гендерный порядок

(с. 183–190). Полный текст «Голосования кровью» («*The Blood Vote*») приведен в: Harris (1970, p. 239). Результаты опросов общественного

мнения, проводившихся в ходе президентской предвыборной кампании 1980 года в США, см.: Friedan (1982, p. 210); данные о федеральных выборах в Австралии в 1975 и 1983 годах см.: Morgan Gallup Polls, 102 и 499А.